

ЛитРес:

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

ФЕРОНИЯ ДАРУЕТ

Влада Ольховская

Ферония дарует

Серия «Северная корона», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68331968

Ферония дарует:

Аннотация

На Феронии больше века не было преступлений, а потом они обрушились на планету градом. Загадочные убийства, исчезновения, болезни, разруха – все это заставило космический флот эвакуировать целую колонию.

Теперь на опустевшую планету предстоит отправиться команде специального корпуса, чтобы понять, кто ополчился на идеальный мир. Искать причины трагедий будут не просто солдаты, а десять лучших воинов таинственного Легиона. Вот только может оказаться, что справиться с проклятием Феронии не по силам даже им – и платой за ошибку в этой игре станет жизнь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	37
Глава 3	67
Глава 4	97
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Влада Ольховская

Ферония дарует

Пролог

В раю стало беспокойно.

Этой мыслью теперь заканчивался каждый день Сен Са-
воройи. То, что все они родились и жили в раю, Сен поняла
лишь теперь, когда этот рай был почти потерян. Грустно и
смешно, такое вот непонятное, немного жуткое сочетание.

Раньше жизнь в колонии казалась Сен скучной и слиш-
ком предсказуемой, загоняющей, лишенной ярких событий.
Многим хотелось перемен, но никто не задумывался, каких
именно. Сен и ее друзьям почему-то казалось, что переме-
ны всегда к лучшему. Пожалуй, их разбаловал рай... Теперь
же перемены сыпались на них дождем, и хотелось крикнуть
«Хватит!», но некому было слушать.

Сперва вести о смертях и несчастных случаях шокирова-
ли. Это действительно произошло на Феронии? В нашем ти-
хом уголке, где ничего плохого не случается? Да быть не мо-
жет! Здесь все умирают от старости. *Такая* жестокая гибель
не к месту, не ко времени, это какая-то ошибка...

Вот только ошибки не было. Раньше в колонии обсужда-
ли погоду, урожай, сезон посадки и сезон сбора. Теперь же

говорили о том, где основать новое кладбище, потому что на старом заканчивалось место.

Позавчера похоронили Кео Котильду. Ее мать так кричала на церемонии, так кричала... Над закрытым гробом кричала. Тело так и не удалось восстановить даже для похорон. То, что осталось от Кео, кое-как собрали, спрятали от мира под деревянной крышкой, и все равно кто-то знал. До Сен доходили слухи, что у одного из медиков, занимавшихся подготовкой к похоронам, случился нервный срыв – парень до сих пор не пришел в себя. Еще бы! На Февронии не собирали трупы по кусочкам. Врачи здесь имели дело с живыми, не с мертвыми, ну а если кто-то умирал, тело готовили к похоронам в мире и покое, потому что смерть была не страшной и чаще всего своевременной. Но Кео Котильде едва исполнилось двадцать три года... Поговаривали, что она носила ребенка, хоть это было еще и не видно. Сен не хотела знать наверняка.

После смерти Кео на ферме стало тревожно. Родные погибшей жаловались, что слышат голоса, видят что-то непонятное в темноте, у самого забора, там, где лес совсем близко... Но им, конечно же, просто казалось. Горе – оно по-всякому влияет.

Однако многие беды были реальны. Сен точно знала, что в больнице закончились места. Раньше, чем на кладбище, но немногим. Завтра совет обещал провести срочное собрание, чтобы выделить дополнительный дом для раненых. По-

сле этого нужно будет придумать, где взять новых врачей, лекарства и оправдания, способные погасить панику в колонии.

Люди на заводе угрюмо молчали и делали вид, что их все это не касается. Сен подозревала, что они врут. Несмотря на все усилия управляющих, оттуда тоже прокрадывались разные слухи, и сложно было отделить реальность от испуганного вымысла.

В такие моменты Сен все чаще вспоминала историю колонии. Когда Ферония начиналась, такого не было! Люди прибыли в мир, который их не ждал, и этот мир встретил их любовью, как мать встречает сына после долгой разлуки. Колонию основали быстро. Ферония с готовностью приняла свое новое имя и никого не убила. Люди, поначалу настороженные, научились ее любить. Они доверили планете своих детей, и детей этих она берегла точно так же, как их родителей.

А теперь что? За несколько недель в колонии умерло больше людей, чем после приземления «Оракула». Так не должно было случиться – и почему-то случилось.

Мы получили в подарок рай, не оценили его, и рай как будто проклял нас...

Теперь уже никто не гулял ночи напролет, как раньше. С приходом темноты в домах закрывали окна, запирали двери, доставали ружья... Интересно, это хоть кому-то помогло? Вряд ли, ведь страшные новости по-прежнему появлялись каждый день.

Сен понимала, что все плохо и движется к худшему. Она не высывалась, у нее не было никаких предложений. Она таилась вместе со всеми, думала только о настоящем моменте, надеялась, что ее имя не станет следующим в списке покойников, что не ее похоронами откроют новое кладбище.

И конечно, Сен не хотела быть той, кто первой скажет страшные слова. Возьмет правду, которую в глубине души уже знают все, облачит в звук. Сделает вчерашний домысел сегодняшним признанием неизбежного.

Нет, не она, не Сен, скажет остальным, что их маленький рай очень скоро придется покинуть...

Глава 1

«Если вы столкнулись с кризисной ситуацией, выделите себе необходимое время на отдых. Посвятите не менее часа медитации. При необходимости уведомите старшего по званию, что вам требуется консультация психолога».

Строки из учебника «Общего курса самопомощи» Альда Мазарин запомнила почти дословно. Именно этот вопрос попался ей на экзамене, и она сдала его на отлично. Они с преподавателем еще пошутили о том, что все на самом деле просто и не нужно усложнять...

Но оказалось, что простым был лишь учебник, а жизнь не нужно усложнять, она и так сложнее некуда. Если внутри тебя пусто, как на скалистой планете, где вся жизнь сгинула много столетий назад, тебя не спасет день отдыха. И два тоже не спасут. Раны, оставленные разлукой и предательством, болят так же сильно, как раны тела, и их не получится исцелить часиком медитации. Ну а если твой мир, совсем недавно строго упорядоченный, пусть и не простой, но понятный, вдруг порвали, перемешали, переплели с хаосом, штатный психолог космического флота вряд ли поможет. Он будет сидеть, сочувствующе кивать, потом напишет в личном деле, что не рекомендует допуск к работе, и бесконечное множество твоих проблем пополнится еще одной.

Так что не было волшебной подсказки, простенького на-

бора действий, после которого сразу стало бы легче. Альда пыталась найти выход самостоятельно, но пока не получалось. В эти дни она особенно остро чувствовала всю бесконечность космоса, оставшегося за тонкой, будто бы призрачной границей «Северной короны». В этой холодной пустоте невозможно закрепиться, вмещается чья-то воля – и Альда упадет, потому что ничто уже не реально...

Радоваться сейчас можно было лишь тому, что команда пока не получала никаких заданий, да и не могла. Они лишились легионера, присутствие которого было необходимо для миссий посложнее. Они все еще ждали возвращения из больницы киборга. Это спасало Альду: она сильно сомневалась, что смогла бы работать. Когда ей приходилось общаться с окружающими, она старательно улыбалась и делала вид, что с ней все в порядке. Неприятно, конечно, получилось, но терпимо, все забудется!

После таких разговоров она спешила уйти к себе, спрятаться, закрыться, свернуться на кровати. Не включать свет. Иногда плакать, иногда просто смотреть в никуда. От слез было легче, но не сильно.

Альда даже не знала, какую из новых вариантов правды ей принять сложнее. То, что Триан использовал ее с самого начала? То, что она настолько ошиблась в нем? А может, то, что она сама – вовсе не та, кем считала себя всю жизнь? Наверно, все это можно принять – стряхнуть с себя боль, смириться и двигаться дальше уже с ценным опытом. Вот только

как? И... зачем?

К тому же Альда не была уверена даже в худшем. На одной чаше весов оказалось то, что рассказал ей Стефан: ее странное происхождение, интриги Триана. Это могло быть правдой и, скорее всего, было. Триан действительно стратег, и глупо предполагать, что номер 7 Легиона будет руководствоваться исключительно общим благом и миром во всем мире. У него своя война – и свои интересы. Он мог так поступить, да он и сам не отрицал этого перед уходом.

На другой чаше весов оказалось то, что она знала о Триане. Понятно, что любовь многое искажает, как кривое зеркало. И все же любовь Альды не была слепой. Телепатка не просто чувствовала притяжение к легионеру, она была в его сознании, читала его мысли, разделяла его чувства, сохраняла их в собственной памяти. Изначально она делала это, чтобы однажды снова пережить важные для нее моменты. Теперь же Альда заставила себя просмотреть те воспоминания с холодной отстраненностью профессионала. Она точно знала, что Триан не врал ей во всем. Ну и где тогда он настоящий? Что для него дороже?

Если бы он остался здесь, Альда не стала бы играть в обиженную и оскорбленную, она не отказалась бы от разговора. Но Стефан не был бы собой, если бы дал ей такую возможность. Он пришел не оказывать Альде услугу, а мстить, он этого даже не скрывал. Телепатка ведь тоже причинила ему боль на Адране! Теперь он причинил боль ей, и неизвестно,

кто из них поступил более жестоко.

Легион не объяснил им, почему отзывали Триана, а специальный корпус этого даже не знал. Команде «Северной короны» было велено не дергаться, не нарываться и просто ждать дальнейших указаний.

И вот уже несколько дней Альда пыталась справиться с тем, с чем справиться, пожалуй, нельзя. Не в одиночку так точно. Поэтому, когда к ее двери пришла капитан Лукия и спросила, что происходит, телепатка не стала убеждать ее, что все в порядке, это обычная усталость. Альда рассказала все – про разговор со Стефаном, добытые им документы, предательство Триана. Это было несколько наивно, глупо даже... и эгоистично. Альда прекрасно понимала, что правила предписывали капитану сообщить о таком руководству специального корпуса. Но в то же время телепатка чувствовала, что Лукия поймет ее, не станет писать доклад – и этим нарушит инструкции. Так что мудрее со стороны Альды было молчать и не подставлять капитана под удар, но молчать больше не получалось. Там, где раньше царило спокойствие, а порой и мелькало счастье, теперь пульсировала кровоточащая рана. С такими долго не живут.

Лукия выслушала все внимательно, не перебивая, и внешне осталась совершенно спокойной – как робот. Но ее следующие слова доказали, что роботом она как раз не была.

– Мазарин, я не буду обсуждать то, что связывает вас с Трианом. Не скажу, что это стало для меня открытием, нет...

Полагаю, у всех в команде были определенные догадки насчет происходящего между вами. Но обсуждать догадки – сомнительная идея, которая никогда не доводит до добра.

– Я и не хочу обсуждения, – покачала головой Альда. – Просто... вы ведь скажете мне, если этот долбанный Легион удосужится хоть что-то объяснить?

– Я планировала это с самого начала. А пока примите дружеский совет: воздержитесь от любого рода субъективной оценки Легиона. Даже если она предельно верна.

– Простите, не сдержалась...

– Не за что здесь извиняться, – указала Лукия. – Просто существуют правила, которые все мы должны соблюдать. Далее. Если насчет Триана я вам пока ничего не скажу, то вторую тему считаю достойной обсуждения.

– Вы про мое происхождение? – растерялась телепатка. – Но тут я толком ничего не знаю... Просто один документ, который показал мне Стефан!

– Вы же не думаете, что это началось с вас? Информация о том, что научный отдел специального корпуса занимается такими вот экспериментами, просачивалась уже давно. Официально ее никто не подтверждал, потому что и не могли подтвердить. Но каждый из нас что-то слышал. Поэтому я предлагаю устроить общее собрание. Возможно, сейчас среди того, что прежде было лишь домыслами, удастся обнаружить истину.

Пожалуй, это было справедливо – то, что все в команде

узнают о происхождении Альды. Их ведь это тоже касалось, так или иначе. Вот только...

– Вы хотите собрать всех, капитан? – уточнила Альда. – И Римильду тоже?

– Я понимаю ваши опасения, Мазарин, и, поверьте, мое решение не спонтанно. Да, я считаю, что Фревилл тоже следует присутствовать при обсуждении.

Альде это не понравилось – потому что ей не нравилась Римильда. Даже не как бывшая любовница Триана, хотя и это было важно. Просто все прекрасно знали, что хилер шпионит на руководство космического флота. Она этого даже не скрывала! Разумно ли говорить ей о таком? Если бы выбор стоял за Альдой, она бы не решилась. Но капитан Лукия умела анализировать ситуацию на несколько шагов вперед, если она решила, что Римильду не стоит исключать из обсуждения, у нее есть причины.

Собрание созвала сама Лукия, Альда лишь передала команде ее послание, ничего не поясняя. Телепатка почувствовала, что остальные рады этой встрече. Им полагалось наслаждаться отдыхом, но ни о каком отдыхе сейчас и речи не шло. Над «Северной короной» зависла тревога, незримая, безграничная, она требовала действия, а не вынужденного покоя.

Так что те немногие, кто еще оставался на корабле, в зал общих собраний чуть ли не бегом бежали.

– Что, упыря наконец вернули? – небрежно поинтересо-

вался Киган. – Помытого и в праздничном платье?

Несмотря на всю серьезность ситуации, Альда не смогла сдержать улыбку. Она давно уже заметила, что между легионером и электрокинетиком установилась странная, не многим понятная форма дружбы. В мирное время эти двое находились в постоянной ссоре и слова доброго друг другу не сказали бы. Но Альда не сомневалась, что они уважают друг друга – а за соперника, признанного равным, невольно начинаешь беспокоиться.

Так что теперь, когда Легион забрал Триана без объяснения причин, у Кигана едва получалось делать вид, будто ему плевать.

– Методом исключения предположу, что речь идет о Триане, – равнодушно произнесла капитан. – Нет, он по-прежнему не является частью команды. Я позвала вас не ради него.

– Мы получили задание? – удивилась Римильда. – Уже?

– Нет. Мы собрались здесь, чтобы обсудить Мазарин.

Альда готовилась к этому, знала, что так будет, но, когда дошло до дела, ей все равно стало не по себе. Как будто она не человек даже, а плотоядный уродец, всего лишь притворявшийся частью команды... Она даже не могла сказать, что она не такая. Она ведь вообще теперь знала о себе куда меньше!

Ей оставалось лишь благодарить капитана за то, что та взяла объяснения на себя. Все время, пока Лукия говорила, Альда просидела на своем месте напряженная, смотрела те-

лепатка только на металлическую поверхность стола перед собой.

Не так давно, во время миссии на Адране, она узнала, что и Триан был создан в результате эксперимента – проведенного Легионом и непередаваемо жестокого. Альде оказалось легко принять это, потому что она уже любила, пусть даже не признаваясь себе, что любит. У нее и мысли не промелькнуло, что Триан может оказаться чудовищем. Только вот ждать такого же от команды несколько наивно... Они симпатизируют ей, да, но это не любовь. Окажется ли симпатии достаточно, чтобы не вышвырнуть Альду в иллюминатор прямо сейчас, просто на всякий случай?

Увлеченная своими мыслями, телепатка не сразу заметила, что в зале стало тихо. В себя ее привел голос капитана:

– Мазарин, не желаете присоединиться к нам или вам нужна еще минутка, чтобы провалиться сквозь землю?

– Нельзя провалиться сквозь землю на космическом корабле, – проворчала Альда, но взгляд все же подняла.

Она готовилась к худшему, к ненависти и страху – но не было ни того, ни другого. Лукия наблюдала за ней с неизменным спокойствием всех капитанов. Рале, поймав ее взгляд, ободряюще подмигнул. Киган улыбался. Римильда выглядела удивленной:

– А чего это девочка наша сидит так, будто только что красный карлик откашляла? Что, никогда о бридинг-программах не слышала?

– Она и не должна была слышать о них, Фревилл, – осадила хилера Лукия. – Вы тоже не должны были.

– Упс... Да ладно, все же свои! Ну да, если вам нужна официальная версия, то вот она: никаких бридинг-программ не существует, все в космическом флоте зайчики, порой даже белочки, и все мы – силы Добра. Но если мы будем изображать блаженных идиотов, а не говорить по делу, я, пожалуй, пойду посплю.

– А из-за кого мы вынуждены изображать блаженных идиотов, интересно? – вкрадчиво поинтересовался Киган.

– Ну, некоторым и изображать не нужно, – усмехнулась хилер. – А если вы намекаете на мое маленькое шпионское хобби, то можете не волноваться. Особо впечатлительным могу даже нервы укрепить вручную. А всем остальным напомню: я шпионю за Легионом, не за вами. И только я решаю, что именно сообщить моим нанимателям.

– И мы должны так легко поверить, что ты не побежишь зарабатывать бонус? – не отставал Киган.

Но тут уже вмешалась капитан:

– Отставить, Рэйборн. Если бы я считала, что Фревилл не должно быть здесь, я бы ее не пригласила. Это не частные дела, это вопрос безопасности «Северной короны», а Фревилл пока остается частью команды.

Была и еще одна причина для присутствия Римильды, о которой Лукия не говорила – но которую несложно было угадать. Это остальные могли что-то где-то слышать, не особо

вдаваясь в подробности. Римильда многое знала наверняка. Такие программы вряд ли обходились без участия хилеров, так что номеру 2 они были прекрасно известны. Вопрос заключался лишь в том, захочет ли Римильда поделиться знаниями.

Вряд ли она была так уж верна «Северной короне». Но демонстрация верности ей не повредила бы – чтобы потом Римильду допустили к более ценным секретам. Она и сама это понимала, она предпочла не молчать.

– Если что, я вам этого не говорила, – предупредила Римильда.

– Принято, – кивнула Лукия. – Записывающее оборудование на сегодняшней встрече отключено. Я попрошу никого из вас не делиться информацией и не сообщать флоту о том, что она вообще прозвучала. Если вы считаете такой подход неприемлемым, пожалуйста, покиньте собрание.

Как и следовало ожидать, никто не двинулся с места. Альда сомневалась, что даже Стерлинг Витте ушел бы в такой ситуации – хотя он наверняка долго и бурно переживал бы для приличия. Ну а из оставшихся членов экипажа никто не отличался священной любовью к правилам.

– Какие все стали любопытные, – усмехнулась Римильда. – Ладно, давайте по делу. Бридинг-программы существуют очень давно. Их суть понятна и проста: если мужчина очень сильный и женщина очень сильная, их ребенок имеет повышенные шансы стать сильнее собственных родителей.

Схематично это представляется так. При этом сильнейшие воины далеко не всегда горят желанием заключить брак вообще и друг с другом в частности. Заставить их невозможно, велик риск получить сапогом по лбу. Так что ребенок появляется без их ведома – на уровне искусственного оплодотворения.

– Тебя послушать, так это очень легко, – нахмурился Рале.

– Это не то что очень, это вообще не легко. Поэтому бридинг не стал общей практикой, а существует в статусе тайного эксперимента. Стандартная мораль и этика подобных игр с природой не допускают. Сами воины согласие на такое редко дают. Поэтому научному отделу приходится идти на ухищрения, добывая необходимый биологический материал на медосмотрах и другими затейливыми способами.

– Это какими же? – заинтересовался Киган.

– Через подосланных проституток, например, которые выносят биоматериал внутри...

– Достаточно, Фревилл, – вмешалась Лукия. – Детали не нужны, продолжайте по сути.

– Ну а суть такова: ребенок создается искусственно, потом развивается в теле суррогатной матери, рождается на свет и живет. Все это куда более гуманно, чем то, что, по слухам, проворачивает на своих скотобойнях Легион. У бридинг-программ есть свои преимущества и недостатки. Главный недостаток в отсутствии гарантий: ребенок может унаследовать силу родителей, а может не унаследовать, а может

своим детям передать. Это природа, с ней сложно! А преимущество в том, что особого риска тут нет. Даже если эксперимент будет неудачным, на выходе получится обычный человеческий ребенок. Так что если Альда успела представить себя страшным зверем со скрытыми щупальцами, то и очень зря.

Альда лишь криво усмехнулась в ответ. Успокоения слова Римильды не принесли, и легче не стало. Из памяти шумной толпой вырывались детские воспоминания, и среди них теплестка пыталась найти хоть что-то, хотя бы незначительный намек на то, что ее судьба была предрешена еще до тестирования на особые способности.

Намека не было. Она помнила первые годы своей жизни, помнила своих родителей... Помнила их шок и свой собственный, когда ее способность к телепатии подтвердилась. Это не было постановкой! Она была Альдой Мазарин... Или не была? Мазарин – фамилия ее родителей, имя Альда выбрали они. Но имели ли они такое право?

– Правильно я понимаю: для бридинг-программ берут материал у двух солдат специального корпуса? – спросила Альда.

– У двух, – подтвердила хилер. – И всегда у очень сильных, у тех, кто сам бы не согласился на спланированные отношения и деторождение.

– Но мои родители... У них не было способностей. Получается, они ввали мне всю жизнь? Не сказали, что я удоче-

рена?

Впервые с начала их разговора Римильда смутилась.

– Нет, они... Не думаю, что они вралли. Они действительно верили, что ты их дочь.

– Как это возможно?

– Есть два пути... Первый – искусственное оплодотворение в клинике. Твои родители могли обратиться за оплодотворением собственным материалом, а в итоге получили... ну, не совсем то.

Детские воспоминания толпились, роились в памяти. Там были не только события – были и серьезные семейные разговоры. Смех, откровения. Вопросы Альды, пропитанные детским любопытством – попытка узнать, каким был неведомый мир до нее. Ответы матери, многозначительные улыбки родителей, осторожные прикосновения рук в моменты, когда мама и папа думали, что она не смотрит...

– Кажется, такого не было, – сказала Альда. – Обращения в клинику, я имею в виду. Насколько я помню, беременность стала для мамы неожиданностью... Конечно, они очень радовались, об аборте и речи не шло! Но они не планировали...

Римильда не спешила с ответом, и телепатка почувствовала, что говорить ее собеседнице вообще не хочется. Остальные тоже напряженно молчали, явно догадываясь о чем-то, и только Альда не знала ничего.

Возможно, ей и не следовало знать, но отступить она уже не могла.

– Ты сказала, что есть два пути, – напомнила Альда. – Какой второй?

– Не факт, что это твой случай, возможно, твои родители просто не хотели признаваться в том, что лечились, и придумали байку про сюрприз...

– Какой второй путь, Римильда?

– Подмена ребенка, – неохотно признала хилер. – Дети, полученные в результате бридинг-программ, слишком редки и ценны, чтобы загубить их инкубатором или слабой суррогатной матерью. Для вынашивания нужна здоровая молодая женщина, такие среди добровольцев находятся не всегда. Лечить ее в срочном порядке не рекомендуется, потому что не изучено влияние хилерски восстановленного организма на плод со способностями. Если такая мера признается абсолютно необходимой, нужная мать подбирается из числа беременных на подходящем сроке.

Детские воспоминания стирались, отступали. Становились бесцветными.

– Что... что это значит? – с трудом произнесла Альда.

– Во время планового осмотра извлекается один эмбрион, вживляется другой. Если таким занимается хилер с достаточно высоким номером, риск для младенца минимален, а мать ничего не узнает, ей такое и в голову не придет.

– Ты сказала «для младенца», а не «для младенцев»... Что происходит с плодом, который женщина носила изначально?

– Я ведь не могу тебе соврать, правда? – горько улыбну-

лась Римильда.

– Можешь, но я почувствую.

– Некоторые вопросы лучше не задавать.

– Я его уже задала.

– Ладно... Да, сохраняется только плод со способностями. Пересаживать второго младенца суррогатной матери дорого и хлопотно: сложно потом объяснить его существование. Его... утилизируют. Это происходит на сроке до трех месяцев.

Вот и все. Нельзя сказать, что Альду шокировали сами слова: она уже знала правду, несложно было вычислить. Но ей почему-то нужно было услышать подтверждение от Римильды. Может, чтобы поставить точку и не держаться за надежду.

Получается, она все-таки не была Альдой Мазарин. Она была убийцей Альды Мазарин – это имя родители подготовили не для нее. Они ждали не ее и любить должны были не ее. Им нравилось подкалывать друг друга тем, что дочь не похожа ни на одного из них, ну вот ни капельки. При этом они настолько доверяли друг другу, что у шутки не было двойного дна. Им все казалось очевидным... И Альде тоже казалось. Даже когда у нее обнаружились способности, это сочли капризом природы – и не более того.

Они не знали.

Откуда они могли знать?

– И что, ребенка подсаживают чужой женщине – и удачи,

девочка? – удивился Киган.

– Нет, конечно. За выбранной женщиной следят, но до определенного момента не вмешиваются, просто наблюдают, для тренировок все равно слишком рано. В положенный срок ребенка тестируют и узнают, удался эксперимент или нет.

Мир по-прежнему рушился. Просто не хаотично, как раньше, а медленно и неумолимо. Получается, у нее нет родителей – но вместе с тем есть. Два человека, которых она не знает и которые не знают о ней. Которым она не нужна... Может, она уже встречалась с ними? Или еще встретится, но так и не узнает?

– Все это неправильно, – покачал головой Киган. – Так не должно быть...

– А так и нет, – вздохнул Рале. – Нужно ли мне напоминать вам, что официально научный отдел никогда себе такого не позволит?

– Да и неофициально это удастся не так уж часто, – указала Римильда. – Таких детей очень немного, но, насколько мне известно, они все в итоге гармонично вливаются в космический флот и не особо выделяются. Просто они сильные – среди других сильных.

– То, что у меня две способности... это результат эксперимента?

– Это результат наследственности, эксперимент лишь в том, что ты родилась без ведома своих биологических роди-

телей. Все остальное – чистая природа. Что же до твоих двух способностей... Да, я почти уверена, что твои родители – телепат и телекинетик. Но само по себе наличие двух способностей бывает естественным, поэтому одно лишь оно не может служить указанием на эксперимент. Послушай... ты сказала, что тот блондинистый крыс из Легиона позволил тебе взглянуть на документ, причисляющий тебя к эксперименту. А ты не запомнила номера, стоявшие возле твоего имени? Это наверняка номера твоих биологических родителей. Возможно, если ты их вспомнишь, мне удастся их найти!

Прежде, чем Альда успела хоть что-то сказать, в сознание ворвался спокойный, привычно бесстрастный голос капитана Лукии: «Мазарин, нет».

Это было настолько неожиданно, что удивление пробились даже через кокон апатии, окутывавший Альду со всех сторон. Надо же... Лукия доверяла хилеру, но лишь до определенного предела. Да и Римильда осталась верна себе: она много наболтала, постаралась усыпить бдительность собеседников, а потом завела речь о том, что ее действительно интересовало.

Номера были по-настоящему важны. Возможно, Римильда проверяла, известна ли Альде эта деталь, чтобы оповестить научный отдел. А может, хилер хотела получить инструмент шантажа. В любом случае, подыгрывать ей Альда не собиралась.

– Нет, ничего... Я там была в таком состоянии, что даже

не запомнила эти номера!

Римильда окинула ее долгим испытующим взглядом.

– Уверена? Я действительно хочу помочь тебе.

– Я знаю, правда... Спасибо тебе. Я обязательно скажу, если что-то вспомню.

Альда хотела узнать имена этих людей – даже если имена ей ничего не дадут. Но она сомневалась, что Римильда действительно способна ей помочь.

Капитан была права в том, что созвала собрание. Оно помогло. Теперь Альда не сомневалась, что никто в команде ее не боится и не начнет относиться к ней иначе. Для них вообще ничего не изменилось: она была и осталась сильным солдатом с двумя способностями. В их мире бридинг-программы считались всего лишь одним из вариантов зачатия и рождения.

Ну а для Альды менялось все. Ее прошлое, ее сущность... Нельзя от этого отмахнуться. А как быть дальше – непонятно.

Триана сейчас особенно не хватало. Он каким-то образом всегда точно знал, что нужно делать. Но теперь об этом придется забыть, как о несбывшейся мечте. Альда сомневалась, что сможет доверять легионеру, даже если он все-таки вернется. Между ними всегда будет стоять вопрос о том, кто она для него: человек или очень полезный инструмент?

Со своими проблемами ей предстояло справляться самой. После собрания Альда еще немного побродила по кораблю,

надеясь, что это поможет привести мысли в порядок. Не помогло. «Северная корона» казалась непривычно тихой и пустой, как будто покинутой навсегда...

Альде оставалось лишь вернуться к своей комнате – знакомому, хоть и ненадежному убежищу. Но и туда попасть оказалось непросто, потому что у дверей ее дожидалась Римильда.

– Я действительно не помню номера, – устало улыбнулась Альда.

– Может быть. А может, и нет, наверняка я не узнаю. Но я здесь не за этим.

– А зачем тогда?

Нельзя сказать, что она так уж хорошо знала Римильду. Но Альда привыкла к тому, что хилер обычно уверена в себе и чуть насмешлива, порой высокомерна. Теперь же Римильда пришла к ней смущенной и как будто... виноватой?

– На собрании тебе могло показаться, что я одобряю бридинг-программы, но это не так, – сказала хилер. – И я никогда в них не участвовала, хотя могла бы. С моими способностями несложно подменить плод за время, в которое его мать делает вдох-выдох. Но я никогда этого не делала, вопрос принципа.

– Приятно знать. Это все?

– Почти. Еще я хотела сказать то, о чем мы решили не говорить на собрании. Все ведь видят, что с тобой происходит.

– Много что.

– Я говорю о нем, – указала Римильда. – Послушай... Я знаю Триана много лет. Он был со мной – и был со многими другими женщинами. Я об этом прекрасно осведомлена, иногда это происходило в моем присутствии...

– Фу.

– Да не в том смысле! Или в том, но не совсем... Короче, ты меня поняла. Он ко всем женщинам, которые были с ним, относился одинаково... Кроме тебя. Я это еще на Адране заметила. И я прекрасно знаю, что произошло между вами на Хионе, я такое легко чувствую. Так вот... Ты не одна из тех, кто был раньше. Я не представляю, что случилось между вами перед его уходом, но ты должна помнить: как только у него появится малейшая возможность, он вернется к тебе... Если, конечно, останется жив.

* * *

Шарлотта Мю прекрасно понимала, что ее могут здесь убить. А смерть на этой станции, зависшей на орбите вечно гневающегося газового гиганта, – это не просто смерть. Это уничтожение существования. Твое имя исчезает из всех документов. Твоей команде просто велют тебя больше не ждать, не объясняя причин. Твое тело обращают в прах и отдают тому самому гиганту, чтобы его грозы поглотили последние клетки, бывшие когда-то тобой.

Воображение рисовало сцены ее поражения и кремации

с удивительной точностью. Шарлотте удавалось оставаться спокойной лишь внешне, внутри как будто ледяная выюга поселилась. Это все так глупо, так несправедливо... Ну зачем? Зачем битвы, зачем риск и боль? Она бы на все согласилась, приняла бы любой номер, лишь бы ее оставили в покое! Но Легион такой вариант развития событий не устраивал. Шарлотте пришлось явиться на станцию по первому зову.

Она всегда ненавидела подтверждение квалификации. Как правило, такие испытания ничего не меняли – все оставались при своих номерах, просто усталые и окровавленные. Однако на этот раз устоявшаяся система должна была сдвинуться, ведь Виридиана Тассин умерла.

Когда Шарлотте впервые сказали об этом, она, конечно же, не поверила. Не стала смеяться лишь потому, что шутка получилась совсем уж дурацкой, но и за правду не приняла. Ну где смерть, а где номер 1 Легиона? Виридиана была не просто лидером – она считалась сильнейшим воином за всю историю. Как она могла умереть? Невозможно!

А потом Шарлотта узнала всю историю. Про союз с Гидденисом Плантой, запретную беременность, побег и гибель на Адране. Это угнетало, давило, сбивало с толку – и предрекало грандиозные перемены. Шарлотта была рада, что ее не привлекли к карательной миссии, хотя могли бы, номер 6 все-таки! Но там обошлось без нее, для нее главным шоком стала новая квалификация.

Свои страхи Шарлотта обычно держала при себе, так бы-

ло проще и безопасней. Но если бы она вдруг сдуру решилась рассказать о том, что чувствует, ее наверняка бы поняли неправильно.

– Бедняжка! – сказал бы ей неведомый добродушный собеседник. – Не хочешь драться с Эстрид? Ничего, постарайся, может, на этот раз ты победишь!

Тогда Шарлотте пришлось бы нервно кивнуть и закончить разговор. Она никому бы не смогла объяснить, что на самом деле страх ей внушает далеко не Эстрид, хотя и номер 5 была чертовски сильна.

По-настоящему Шарлотту пугал Габриэль Триан.

Другие не поняли бы этого. Триан был ниже в иерархии – и неизменно проигрывал номеру 6 на каждой квалификации. Так что у Шарлотты вроде как не было причин его бояться, однако правду знала лишь она.

Такая правда плохо уместается в слова, она ощущается инстинктами. Триан был спокоен и вежлив, он вроде как дрался с Шарлоттой в полную силу и действительно проигрывал, но... Шарлотта за эти годы так и не перестала чувствовать себя мышкой, с которой играет довольный сытый кот. Мышь с отчаянным писком бросается в бой, даже кусает кота своими крошечными зубками, но это не так уж важно, и жива она только потому, что кот не выпускает когти.

Триан сдерживался все эти годы. Очень умело, бесконечно артистично. К нему невозможно было придаться, он по-настоящему истекал кровью, и все же... Когда он падал на

пол и признавал поражение, Шарлотте казалось, что она вот-вот увидит бесконечную пропасть энергии, затаенной в нем.

Так считала не она одна, на Триана давно уже косо поглядывали, обсуждали его, осуждали, но доказать ничего не могли. Шарлотта и сама не до конца понимала, что происходит. Она лишь усвоила: по какой-то причине ему нужно сохранить за собой номер 7, и пока ему это интересно, он будет проигрывать.

Вопрос в том, интересно ли ему это теперь. Легионеров ожидала не обычная запланированная квалификация, многое изменилось – о том, что произошло на Адране, ходили разные слухи, и Шарлотта никак не могла разобраться, где кончается правда и начинается вымысел. В любом случае, Триан был там, и гибель Виридианы его вряд ли обрадовала.

Теперь номером 1 должен был стать Гидденис Планта, все об этом знали – других кандидатов просто не было. Вот только примет ли это Триан, как принимал любую волю Легиона, или захочет все изменить? Шарлотта предпочла бы, чтобы Триан и Планта попросту перегрызли друг другу глотки, а ее в это не втягивали. Но так вряд ли получится: если Триан захочет пробиться к номеру 2, ему придется сначала победить все предыдущие номера.

Маловероятно, что он при этом убьет Шарлотту, но – вдруг?

Пожалуй, следовало поговорить с ним, расспросить его о случившемся, но она просто не могла. Шарлотту не покида-

ло ощущение, что из его темных глаз на нее смотрит бездна, лишь по нелепому капризу судьбы обретшая человеческую оболочку. И кто-то верил, что она действительно побеждала эту бездну в каждом поединке? Смешно.

Как бы то ни было, ей снова придется драться с ним, принимая свою смерть как вполне возможный исход. Бежать со станции все равно не получилось бы, а оттягивать неизбежное не было смысла. Быстрый взгляд на часы показал, что расписание поединков должны были уже вывесить. Шарлотта собиралась узнать возможный день своей смерти...

Это не означало, что по коридорам она кралась запуганным зверьком или позволила себе слезы. Нет, она шла королевой – спокойно, небыстро, с гордо расправленными плечами и поднятой головой. Представители обслуживающего персонала спешили уступить ей дорогу, они ее искренне побаивались, а она их царственно не замечала.

Все изменилось, лишь когда впереди появилась другая фигура в черной форме. Сотрудники станции, сообразив, что в одном коридоре пересекутся два высших легионера, рванулись в разные стороны, как насекомые из-под поднятого камня. Им казалось, что сейчас, накануне поединков, все в первой десятке друг другу враги. Вот-вот вспыхнет искра – и сражение начнется раньше срока!

Их наивная вера в средневековое варварство подкреплялась еще и тем, что Шарлотте встретилась именно Эстрид – одна из ее привычных соперников и просто жуткая особа.

Обывателям она и вовсе казалась чудовищем – потому что хотела такой казаться.

Шарлотта ожидала, что она пройдет мимо, однако номер 5 остановилась у нее на пути.

– Можешь не тратить время, – равнодушно бросила Эстрид. – Если тебе есть, чем заняться, займись.

– Чего? – растерялась Шарлотта. – А что происходит? Поединков сегодня не будет?

– Вообще не будет. Отменили поединки.

– Значит, и квалификацию отменили? – оживилась номер 6.

– Нет, квалификацию оставят. Нам просто сказали, что она пройдет в принципиально новом формате.

– Каком еще новом формате?

– Об этом объявят позже. Ну а сегодня... продолжаем жить.

Чувствовалось, что Эстрид раздражает сложившаяся ситуация, но лишь как непредвиденная задержка. О том, что новый формат может быть намного хуже прежнего, она вряд ли думала. Да и у Шарлотты не было причин для опасений, и все же... В Легионе не бывает просто, и может оказаться, что во время новых испытаний она начнет мечтать о поединке, в котором могла умереть.

Лукия прекрасно понимала, что хороший капитан вел бы себя на ее месте по-другому. Прелесть инструкций в том, что они просты, понятны и подходят для любой ситуации. Так вот, хороший капитан, руководствующийся исключительно разумом, давно сообщил бы начальству о ситуации с Мазарин и потребовал бы вместо нее другую телепатку. Потому что любые странности – это потенциальная проблема, и лучше уж без них.

А Лукия так не могла. Команда «Северной короны» была для нее чем-то большим, чем группа солдат с хорошими боевыми показателями. Поэтому капитану пришлось принять Альду вместе с тайной, которая оказалась намного сложнее, чем представляли остальные. Потому что им было известно только о самом эксперименте, ну а Лукия...

Лукия узнала один из номеров. Альда сразу, еще при первом разговоре, поделилась с ней своими воспоминаниями. Капитан как будто сама увидела тот документ, который показал телепатке легионер, смогла разглядеть номера – и один из них был ей знаком.

Однако такие сведения могли оказаться слишком опасными для всей «Северной короны», особенно если Альда, эмоционально уязвимая в эти дни, попыталась бы использовать их поспешно. Лукия решила повременить с откровениями,

дать телепатке время, чтобы прийти в себя, а заодно и выяснить, кто скрывался за вторым номером.

По крайней мере, капитан думала, что это время у них будет. Сегодня оно неожиданно закончилось.

Альда явилась в комнату Лукии быстро, через минуту после вызова. Держалась телепатка неплохо, было заметно, что общее собрание помогло ей. Но не до конца, и Лукия предпочла бы оставить ее под присмотром. Все-таки Альда была слишком молода, ей остро не хватало опыта, с ней нужно было действовать осторожней... Жаль только, что мнение Лукии никто не спрашивал.

– Что-то случилось, капитан? – спросила Альда. – Я думала, мы получили задание или Стерлинг вернулся... или...

Она не закончила, и Лукии пришлось сделать это за нее:

– Нет, на корабль пока не готовы вернуться ни Витте, ни Триан. Но вы не так уж далеки от истины.

– Не уверена, что понимаю.

Вместо пояснения Лукия вывела на монитор послание, которое сама получила лишь этим утром. Альда быстро пробежала взглядом по коротким строкам и нахмурилась.

– Нас вызывает Легион? Куда? Я как-то не поняла...

– Не нас, не «Северную корону», – поправила Лукия. – Только вас, Мазарин. Легион сообщил, что на внутренней миссии им требуется ваше содействие. Специальный корпус дал добро.

– А специальный корпус не пробовал перед этим уточ-

нить, чего от меня хотят и куда везут?

– Вы прекрасно понимаете, что с Легионом это не всегда возможно, там свои протоколы секретности. Легион лишь заверил, что вашей жизни и здоровью ничто не угрожает. Руководство специального корпуса посчитало, что этого достаточно.

И обе они понимали, что Легион мог и соврать, как врал уже не единожды. Если они того захотят, Альда погибнет в кораблекрушении, и никто не сможет доказать, что это не было случайностью.

Так что Лукии не нравилось это задание. В послании было указано, на какую станцию должна направиться Альда, однако это был обычный пункт пересадки. Конечная точка маршрута оставалась известна лишь Легиону.

– Вы можете отказаться, Мазарин. Если вы подадите жалобу, я вас поддержу.

Лукии не полагалось даже предлагать такое, не то что поддерживать, и она прекрасно об этом знала. Если к ней прислушаются и освободят Альду от навязанного задания, капитану это наверняка аукнется – с учетом всех предыдущих выговоров. Однако Лукия готова была рискнуть, она слишком хорошо понимала, на что способен Легион.

Альда лишь слабо, едва заметно улыбнулась:

– Спасибо, капитан, но я приму миссию.

– Похвальная решимость.

– Дело не в специальном корпусе или Легионе. Я просто

думаю, что это связано с Трианом.

– И вы готовы помочь ему? После всего, что узнали?

На общем собрании Лукия намеренно скрыла то, как Триан собирался использовать Альду. Но сама-то капитан знала, и это многое объясняло. Лукия заметила, что он сразу начал присматривать за телепаткой, заботиться о ней... тогда казалось, что забота была искренней. Даже Лукии было неприятно выяснить его истинные мотивы, а уж что чувствовала Альда – и представлять не хотелось.

Вот только сама телепатка держалась с удивительным достоинством.

– Я очень на него зла, – признала Альда. – Я еще понятия не имею, как буду с ним общаться... смогу ли его простить. Но даже если не смогу, я все равно не позволю ему умереть. Передайте Легиону, что я готова.

Лукия не знала, правильно это или нет, да и не размышляла о таком. Для «Северной короны» отсутствие легионера, киборга, а теперь еще и телепатки гарантировало, что миссий в ближайшие дни точно не будет. Это оставляло капитану немало столь необходимого свободного времени.

Она не собиралась ничего говорить Альде сейчас, чтобы не обнадеживать раньше срока, и все же... К возвращению телепатки Лукия была намерена узнать имена ее биологических родителей.

Глава 2

Принимать приглашение Легиона было страшно, не принимать – опасно для жизни, причем не только для жизни Альды. Если даже специальный корпус согласился на это, значит, дело там серьезное. Две могущественные организации не будут ссориться из-за парочки солдат.

Впрочем, даже если бы угрозы не было, Альда все равно согласилась бы. Она не обсуждала это с остальными, но себя обмануть не могла. Нельзя просто взять и разлюбить кого-то по щелчку пальцев, если любишь по-настоящему. Альда допускала, что существуют поступки, убивающие любовь за секунду. Однако то, что совершил Триан, к таким поступкам даже не приблизилось... Хотя бы потому, что его действия телепатка пока не понимала до конца.

Ей в любом случае проще было окунуться в опасность с головой, чем наматывать круги по кораблю в беспомощном ожидании. Нет пытки страшнее, чем неизвестность. Это понимала не только Альда: пока «Северная корона» летела к назначенной станции, Киган чуть ли не бунт устроил. Электрокинетик требовал отправить его с Альдой, потому что Триану доверять нельзя и Легиону доверять нельзя. Вообще никому доверять нельзя, кроме, собственно, него, Кигана.

Капитан претензии выслушала и указала, что Легион был предельно точен в своих пожеланиях. Им нужна была лишь

Альда Мазарин. Киган Рэйборн не нужен – ни в привычном виде, ни в дамском платье. А если у кого-то скопилось много энергии, кто-то может заняться очисткой двигателя, давно ведь обещал и все отлынивал! Киган не считал это равноценной альтернативой, но от активного протеста перешел к угрюмому молчанию.

«Северная корона» прибыла на общую военную станцию, которой пользовались и обычные люди, и Легион, и специальный корпус. Там Альде пришлось покинуть команду. Теплпатка готовилась к этому, но когда дошло до дела, ей снова стало не по себе. И все же она не остановилась, никого ни о чем не попросила, и со стороны наверняка казалось, что она во всем уверена и почти весела.

Долго ждать на станции ей не пришлось, ее встретили представители Легиона и проводили к нужному ангару. Спрашивать у них, что происходит, было бесполезно: Альда чувствовала, что это не легионеры, это просто люди, работающие на них. В структуре Легиона таких сотрудников было куда больше, чем боевых мутантов, численность которых всегда оставалась невысокой, особенно по сравнению с другими подразделениями специального корпуса.

Продолжить путь Альде предстояло на небольшом пассажирском корабле, новом, дорогом и сверхкомфортном. Похоже, Легион всеми силами старался подчеркнуть, что приглашенные – вовсе не пленники, а почетные гости, с которыми будут обращаться соответственно. Но Альду пока инте-

ресовала не эта показуха, а то, что на борту телепатка оказалась не единственным солдатом специального корпуса.

Когда она вошла, пять кресел уже были заняты. За Альдой сразу же закрылась дверь, намекая, что она была последней, больше никого не ждут. Но шесть – уже странно, зачем Легиону понадобилось столько солдат, не подчиняющихся ему? А в том, что все эти люди из специального корпуса, Альда не сомневалась, их сразу же выдавала форма.

Следующий сюрприз ожидал ее, когда она присмотрелась к пассажирам внимательней. Трое были ей не знакомы, она не видела их даже в академии. А вот остальных двух она без труда узнала.

– Вы? – поразилась Альда, подходя ближе.

Бенедикта Крейн и Иарлайт Лео занимали соседние кресла, хотя салон был почти пустой и остальные пассажиры предпочли устроиться подальше друг от друга. Но эти двое держались за связь, которая уже образовалась между ними. Они были причислены к разным командам, пересеклись на Адране во время миссии, в которой участвовала и Альда. Уже тогда было заметно, что Бенни и Иарлайт симпатизируют друг другу, от телепатки такое не скроешь. Теперь притяжение между ними усилилось, эмоциональная связь прослеживалась без особого труда, а значит, они и на разных кораблях умудрились продолжить общение.

Эти двое тоже ее узнали. Бенни широко улыбнулась, Иарлайт кивнул в знак приветствия. Еще на Адране они все

смотрели друг на друга с враждебностью, никто не знал, чего ожидать от других сильнейших команд специального корпуса. Но та миссия сплотила их, а теперь, на границе неизвестности, союзники были особенно нужны.

– Да, мы, – отозвалась Бенни. – Стоило ожидать, что ты тоже здесь будешь... Так и знала, что нужно было поспорить!

– Бессмысленно, – указал Иарлайт. – Я бы тоже сделал ставку на нее. В чем тогда спор?

Мягкий гул двигателей, постоянно разносившийся по кораблю, стал громче, пол завибрировал под ногами, загорелись на стенах таблички, призывающие пристегнуть ремни. Похоже, до отлета оставалось совсем немного. Альда поспешила занять свободное кресло рядом с телекинетиком и киборгом, пока игнорируя остальных своих попутчиков. Те трое тоже важны, она должна будет изучить их – но потом. Телепатов еще в академии учили, что переизбыток информации обесценивает отдельные ее фрагменты.

– Вы знаете, что происходит? – спросила Альда.

– Отчасти...

Единственным, у кого оказались хоть какие-то достоверные данные, стал Иарлайт. Он считал легионера своим другом, да и Одхана вызвали цивилизованно, не так, как Триана. Поэтому перед отлетом номер 4 успел кое-что пояснить.

Легиону нужно было срочно провести квалификацию своих высших номеров. Обычно это проходило по плану, но смерть Виридианы Тассин любые планы сбила: организация

такого уровня не могла слишком долго оставаться без номера 1. И если раньше квалификация была чистой формальностью, то теперь она приобрела особое значение.

Одхан все равно не видел поводов для беспокойства. По его версии legionерам предстояло встретиться на станции, помахаться кулаками, помериться, чем надо, получить свои номера и вернуться к делу. На все это он выделял не больше двух дней. Однако эти два дня прошли – и прошло больше, а legionеры так и не вернулись. Зато были вызваны солдаты, работавшие с ними. Все это указывало, что обычный сценарий не сработал.

Вопрос в том, почему. Легион отказался даже пробовать? Или им нужны были свидетели того, что произошло на Адране? Однако под такое определение подходили лишь трое пассажиров, их попутчики в те дни к Адрану и близко не подлетали. Скорее всего, изменилась сама процедура квалификации, теперь она требовала присутствия солдат, не связанных с Легионом напрямую. Оставалось непонятным, почему пассажиров всего шесть, хотя legionеров на квалификации должно быть не меньше десяти. Но угадать это невозможно, нужно дождаться прибытия и все узнать.

– Интересно, как нас выбирали? – задумчиво поинтересовалась Бенни. – Случайно назначили из команды? Или legionеры сами попросили прислать именно нас?

Она неплохо держалась – казалась спокойной, прятала страх так глубоко, что никто, кроме телепатки, не догадался

бы о нем. Ну а на страх она имела полное право... Потому что знала ответ на собственный вопрос, для этого достаточно было вспомнить все ту же миссию на Адране. Уже очевидно, что номер 4 был ближе всего с Иарлайтом из всей своей команды. Да и Триан наверняка выбрал бы Альду. Следовательно, Бенни тоже была назначена легионером осознанно. Но если для Альды и Иарлайта ситуация складывалась хорошо, то Бенни она сулила огромные проблемы.

Потому что Бенни терпеть не могла номер 3 – и он знал об этом. Номер 3, в свою очередь, терпеть не мог ее, об этом уже знала Бенни. Стефан Северин убил ее подругу, и если остальная команда предпочитала не верить в это, телекинетик обвиняла его открыто. Теперь же он вызвал именно ее... Для чего? И чем это может закончиться?

По идее, слишком уж наглеть Стефан не должен. Перед Легионом он традиционно изображает хорошего мальчика, он само очарование, и с Бенни он будет вести себя так же. Вопрос лишь в том, что ждет их всех дальше. Если этим двоим придется остаться наедине... Бенни ведь не спасется. Никто бы не смог.

– Может, он как раз хочет показать, что способен быть милым и с теми, кто против него? – предположила Альда. – Демонстрация вполне в его духе...

Иарлайт взял Бенни за руку, но она, кажется, не заметила этого. Телекинетик была сейчас далеко от корабля, в своих мыслях – наверняка прокручивала один сценарий за другим,

пытаясь понять, каковы ее шансы выжить и сохранить рассудок.

– Может, и так, – рассеянно кивнула Бенни. Она снова посмотрела на Альду: – Слушай, а есть какой-нибудь способ защититься от телепатического воздействия?

Хотелось помочь ей. Как минимум подбодрить, а лучше – дать волшебный рецепт спасения, с которым все обязательно будет хорошо. Проблема заключалась в том, что такого рецепта не было у самой Альды.

– Нет, – неохотно признала телепатка. – Без соответствующих способностей это невозможно. Некоторые люди доби-ваются чего-то подобного медитацией, но... Во-первых, та-кой медитации не научиться за несколько часов. Во-вторых, она поможет разве что против слабых и средних телепатов. А номер 3 – сильная гадюка.

– Да уж... Повезло так повезло...

– Есть один прием, который стоит держать в памяти. Если ты успеешь заметить, что мысли «плывут» и ты теряешь над ними контроль, отвлечься можно с помощью резкой и неожиданной физической боли. Это такая, знаешь, игра сознания и подсознания... Телепатический контроль обычно обретается над сознанием. Но подсознание может его перекрыть, используя инстинкт самосохранения.

Альда не стала добавлять, что с телепатом уровня Стефана Северина и это не сработает. Дело было не только в его силе, он специализировался именно на манипуляции чело-

веческим сознанием – в отличие от других легионеров, которые контролировали в основном своих демонов. Но если Бенни впадет в отчаяние уже сейчас, станет только хуже.

Иарлайт еще говорил с ней, пытался успокоить. Альда уже не прислушивалась. Она сосредоточилась на том, чтобы приглушить собственную тревогу. Иронично было признавать, что тревога эта оказалась направлена в основном не на телепатку... Легко было злиться на Триана на «Северной короне», когда они оба были в безопасности. В таких условиях Альда могла даже развлечься ненавистью. Но здесь все это казалось таким мелочным и неважным, мысли летели совсем в другую сторону. Почему солдат вызвали лишь теперь? Что происходило в эти дни? Мог ли Легион пытаться номер 7? Вроде как глупо, но – вдруг?

Мысли не отпускали, грызли, как обозленные маленькие зверьки, и полет показался Альде мучительно долгим. Было минимум два прыжка через пространство, хотя оценить маршрут она толком не могла: в зале, где находились пассажиры, не было иллюминаторов. Это наверняка объяснили бы повышенной безопасностью, однако несложно было догадаться, что Легион попросту хранит расположение собственных станций в секрете.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Альда сосредоточилась на трех мужчинах, тоже летевших на встречу. Соваться в их сознание она пока не собиралась, а природу их способностей выдавал цвет формы.

В первом ряду сидел электрокинетик и, казалось, дремал. Этот был молодым, но не слишком – около сорока, пожалуй, очевидно сильный, классически красивый. Его странное путешествие нисколько не волновало. Такое обычно бывает или от особого могущества, или от большой глупости. Но Альда сомневалась, что кто-то из высших легионеров добровольно призвал на станцию придурка.

Чуть в стороне устроился мужчина лет пятидесяти, телепат, как и Альда. Этот не был таким красавчиком, как электрокинетик, он обладал тем идеальным типом внешности, который позволяет за три секунды затеряться в любой толпе. Телепат был намного старше Альды, так что у них и шанса не было пересечься при обучении. Рядом с ним тревоги не чувствовалось, он читал книгу с маленького наручного компьютера и просто ждал, когда полет закончится.

Ну и был еще один пассажир, хилер... Этот Альде почему-то сразу не понравился, хотя она никому не смогла бы объяснить, чем именно. Чернявый мужчина оказался подвижным, он постоянно дергался, оборачивался по сторонам. Поймав на себе взгляд Альды, он неловко подмигнул ей и криво улыбнулся. Телепатка поспешила отвернуться, смотреть в темные и блестящие, как крупные ягоды черешни, глаза хилера было неприятно. Как в омут шагать...

Неприязнь была настолько сильной, что Альда почти решилась влезть в сознание хилера, но вовремя остановила себя. Сам-то он не заметит, а вот второй телепат может такое

засечь. Нарываться на скандал за пять минут до встречи с Легионом ей не хотелось, и она решила попросту отпустить ситуацию. В конце концов, этот тип – не ее проблема.

Ну а скоро корабль задрожал, включились системы торможения. Металлический голос, вырвавшийся из скрытых динамиков, сообщил, что через сорок минут произойдет стыковка со станцией.

– Вы не заметили? – усмехнулся Иарлайт. – С нами даже пилот ни разу не заговорил! Легион есть Легион.

Альда лишь кивнула. Она бы хотела, чтобы Легион действительно оказался настолько предсказуемым, что над этим можно было бы посмеиваться. Увы, она по-прежнему не представляла, чего ожидать. Медитация помогала лишь до определенного предела, сердце упрямо ускоряло бег, тревога разрасталась сорной травой. Все это могло закончиться очень плохо, если бы в сознание телепатки не ворвался знакомый голос.

«Альда, слышишь меня?»

Она не ожидала такого. Корабль еще не начал стыковку, они были далеко от станции – но Триана это не остановило. Он знал, что телепат всегда на связи с командой, и триггером для этой связи становится упоминание имени. Ну а сейчас помогло еще и то, что Альда думала только о легионере, подсознательно тянулась к нему и призыв не упустила.

И все равно расстояние должно было помешать им, но не помешало. Альда прекрасно знала, что снова шагнула далеко

за пределы присвоенного ей номера. Зато сейчас мало кто мог перехватить их беседу.

«Слышу», – отозвалась она.

Альда понятия не имела, как вести этот разговор. Обида все еще пылала в душе, но сейчас для этой обиды не было времени. Они оба оказались в ситуации, когда нужны союзники, а не враги.

«Отлично, я надеялся, что у нас будет возможность поговорить до твоего прибытия. Недолго, потому что при приближении к станции остальные могут почувствовать это, теплепатов тут хватает».

«Может, объяснишь мне, что происходит?» – не выдержала Альда.

«Это потом, сейчас не время. Я хочу, чтобы ты сосредоточилась на том, что испытывала по отношению ко мне при нашей последней встрече».

«Э... чего?»

«Неприятнь, – невозмутимо пояснил Триан. Он с самого начала общался с ней так, будто ничего особенного между ними не случилось, да и связи изначально не было. – Горечь. Ненависть, если угодно. Чувствуй это и только это питай. Не навязывай свой эмоциональный фон окружающим, но и не сдерживай его. Пусть будет открытым и легко считывается любым желающим».

«Как будто кому-то есть дело до наших разборок!»

«Кому-то есть. Не всем, но тому, кто эти разборки затеял,

они будут любопытны. Пока это все, что я могу тебе сказать. Альда, здесь все сейчас очень непросто. Я прошу тебя поверить мне, с остальным разберемся позже».

«Пошел ты к черту».

«Отличное начало».

Альда не стала спрашивать, зачем ему это нужно, догадаться было не так уж сложно. Большинству легионеров наверняка плевать, кто там с кем поссорился и кто кого предал. А Стефану – нет. Номер 3 немало усилий потратил на мечь, она важна для него. Если он убедится, что все сработало как надо и Альда отныне связана с Трианом лишь военным долгом, он будет доволен. Стефану станет выгодней не убить телепатку, а переманить на свою сторону.

Ну а питать обиду было не так уж сложно, это все умеют. Пока корабль замедлялся и готовился к стыковке, Альда призывала в памяти все, что объединяло ее с Трианом – и пропускала это через фильтр нового знания о нем. Легионер никогда не был ей другом, никогда не заботился по-настоящему, никогда не любил. Ему просто нужно было получить удобный инструмент, чувства этого инструмента не имели такого уж большого значения.

Телепатка даже не задумывалась о том, насколько эти мысли справедливы. Она запретила себе сомнения, и обида перерождалась в ненависть, окружавшую Альду непробиваемой броней. Такие эмоции сложно не заметить, даже если они не транслируются открыто. Триан тоже почувствует...

Но больно ему будет, только если он и сам по-настоящему любит, а это вряд ли. Он уже все десять раз просчитал, он верен себе. Разоблачение со стороны Стефана всего лишь сбilo ему планы, но он выкрутится – он всегда выкручивается.

В небольшом зале прилета их уже встречали. Станция гудела жизнью, Альда улавливала присутствие тысяч людей – в основном охрана и обслуживающий персонал. Но в зал они не вошли, здесь стояли только legionеры: облаченные в одинаковую черную форму, неизменно привлекательные, невозмутимые. Они были высшими номерами элиты специального корпуса, и их объединенная энергия поражала, подавляла. Альда пока не готова была присматриваться к каждому из них, теперь уже она пряталась за своей искусственно вскормленной ненавистью, чтобы не выдать страх. Она успела лишь кивнуть Одхану, поспешно скользнула взглядом по Стефану и тут же отвернулась. Остальных legionеров она и вовсе не знала, Альда ускорила шаг, направляясь к Триану.

Он смотрел на нее так же, как при их первой встрече. Спокойно, чуть насмешливо – как на хрупкое существо, которое он вынужден защищать, потому что такая работа. Не как на человека, который имеет значение. Триан не выглядел ни испуганным, ни избитым, но, пожалуй, глупо было ожидать такого. Происходящее его то ли забавляло, то ли утомляло, так сразу и не поймешь. Ненависть Альды он наверняка заметил – тяжелую, жгучую, как пылающее масло. Но Триан этот поток эмоций нисколько не впечатлил, он небрежно

кивнул своей спутнице.

– Мазарин, добро пожаловать на станцию Легиона.

– Я могу наконец узнать, зачем я здесь?

– Скоро. Прошу за мной.

Боковым зрением Альда видела, что и остальные в зале не задержались. Солдаты специального корпуса объединились с легионерами из своих команд, и все они направились к выходу.

«Ты скажешь мне, что происходит?» – мысленно поинтересовалась Альда, когда они оказались в узком коридоре.

«Я действительно не знаю. Квалификация еще никогда не проходила вот так. Сначала мы застряли здесь на несколько дней, потом нам объявили, что нужно вызвать кого-то из команды, к которой мы причислены».

«И ты выбрал меня?»

«Как будто были варианты...»

«Все еще надеешься, что схема с инструментом защиты сработает?» – не сдержалась Альда.

«Схемы давно уже нет. С учетом всех переменных мне проще лично наблюдать за тобой, чем оставить тебя там. Я понятия не имею, что будет дальше, но это должны объявить сейчас, на общем собрании, мы идем сразу туда. Настраивайся на то, что просто и быстро это уже не кончится, мелкая».

«Не называй меня так. И не делай вид, будто все в порядке. Я буду выполнять задание, но все остальное в прошлом».

«Я знаю».

Альда ожидала, что он добавит что-то еще, но Триан молчал. Не отреагировал он и на вспышку ненависти, направленную уже в его сторону. Да оно и понятно: ненависть не бьет по всем подряд, она обжигает только тех, для кого важна. Пожалуй, вообще не стоило использовать эмоции как инструмент, но разумные решения давались непросто, когда приходилось эти самые эмоции искусственно усиливать. Чтобы не сорваться, Альда уменьшила неприязнь, окружавшую ее, все, кто надо, уже должны были заметить.

Триан проводил ее в большой зал – полностью сделанный из металла, круглый, лишенный окон. На станции Альда вообще не видела ни одного иллюминатора, даже вдалеке. Но напрягало ее не это, а сосредоточение энергии, которое она чувствовала совсем близко – нечто огромное, космического масштаба, нестабильное. Похоже, станция находилась рядом с крупным объектом, и это точно была не обычная планета.

Зал собраний был чем-то похож на амфитеатр, но вместо рядов кресел здесь располагались небольшие террасы, позволявшие гостям оставаться на внушительном расстоянии друг от друга. Альда видела, что этим преимуществом легионеры с готовностью воспользовались: к себе они подпускали только солдат из своих команд.

Когда они заняли свои места, над террасами погас свет, зато ярко вспыхнули прожекторы над сценой. Вперед вышел мужчина в деловом костюме, немолодой, но еще крепкий, навсегда сохранивший военную выправку.

– Я рад, что все наконец собрались, – объявил он. Низкий голос мягким рокотом прокатывался по залу. – Вы уже знаете, что нашу встречу повлекло за собой печальное событие – трагическая гибель Виридианы Тассин, нашего прежнего номера 1. Виридиана никогда не будет забыта, ее имя навсегда войдет в историю Легиона. Но жизнь продолжается, и десятка наших лучших воинов должна оставаться полной.

Тут Альда не удержалась, взглядом отыскала Гиддениса Планту. Никто не говорил о том, что Виридиана погибла из-за него... была убита им, если уж называть вещи своими именами. Но он-то должен был знать! Он в тот день убил женщину, которой клялся в любви, и собственного ребенка. Неужели это вообще не имело значения?

Похоже, нет. Гидденис почему-то сидел один, к нему солдата специального корпуса не приставили. И выглядел легионер так, как и предполагала ситуация: скорбящим о потере, но не испытывающим ничего похожего на вину. Да и какая может быть вина? Номер 2 честно выполнил свой долг – и должен быть награжден повышением.

– Сначала мы хотели провести квалификацию по традиционной схеме, – продолжил представитель руководства Легиона. – Но позже на общем собрании мы пришли к выводу, что этого недостаточно. Легион развивается, бывшие методы изживают себя. Прежняя система квалификации устарела, потому что легионер – это не воин-одиночка. Это защитник команды и защитник людей. Это человек, который

умеет принимать сложные решения, думать, ориентироваться в невозможных ситуациях. Мы должны быть уверены, что десять лучших наших воинов на такое способны. Поэтому нынешняя квалификация будет принципиально иной.

Он не сказал о том, что прежняя квалификация оставляла немало пространства для подтасовки результатов, однако Легион не мог не знать о таком. Того же Триана уже много лет обвиняли в том, что он жульничает: поддается, когда нужно, чтобы сохранить за собой номер 7. Возможно, новая схема предназначена как раз для него? И Альду привезли сюда, чтобы он не сдерживался и показал свою истинную силу? Вполне в духе Легиона...

Между тем пожилой мужчина пояснил:

– Мы уже присвоили все десять номеров – предварительно, на основании ваших общих показателей и предыдущих заслуг. Далее вы получите задание, на котором должны будете подтвердить свою квалификацию. Это задание – не симуляция, в одной из колоний действительно произошло серьезное преступление. Расследовать его должен был специальный корпус, но мы взяли это на себя, чтобы дать нашим лучшим воинам возможность продемонстрировать свои навыки. Да, номер 3.

В этот момент Стефан поднял руку, смиренно намекая, что у него есть вопрос. Представитель руководства заметил это и не стал игнорировать обращение. То, что он назвал Стефана номером 3, было любопытно само по себе. В новой

иерархии он должен был сместиться на второй номер... Или до официального объявления номера оставались прежними?

– Для чего здесь солдаты? – спросил Стефан, кивнув на сидящую рядом с ним Бенни. – Я понимаю смысл новой схемы и признаю, что она может оказаться очень эффективной. Но зачем в делах Легиона посторонние?

– Это не посторонние, это те, кто придает нашей работе смысл. То, что вы можете выполнять задания самостоятельно, хорошо. Но вы должны при этом уметь работать в связке с другими представителями специального корпуса.

– Да, но... Мы ведь видим, что спутники сейчас есть не у всех.

– Верно, номер 3. Спутники были приставлены к тем, кто традиционно работает с командами. Те, кто выполняет специальные поручения, будут действовать самостоятельно. Еще в одном случае участие команды оказалось невозможным в свете особых обстоятельств. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Да, благодарю.

Альде эта новая схема уже не нравилась. Она знала, что Триан намеренно удерживает за собой номер 7. При таком распределении его могли назначить на любую позицию – и как это изменить? Задание в какой-то колонии тоже оценивается по непонятным критериям, с поединками все было очевиднее и честнее. Возможно, поэтому их и убрали.

Теперь же Триан должен был сместиться на шестой номер.

Не критично, но к этому тоже нужно было привыкнуть. Изменить Альда все равно ничего не могла, ей только и оставалось, что ждать вместе с остальными.

– Сейчас я объявлю вам, кому какие номера присвоены и с кем будут работать легионеры, – сказал представитель руководства. – После этого вам будет разъяснена суть задания и предоставлена базовая информация о колонии. Сегодня же вы отправитесь туда, мы и так выжидали слишком долго. Теперь предлагаю познакомиться. Начнем с первого номера и двинемся к десятому.

Альда заметила, что Гидденис Планта, идеально владеющий собой, наконец не сдержался, он заметно напрягся, ожидая того самого момента, за который он так дорого заплатил. Еще бы! Долгие годы интриг, предательство, кровь, которую он уже не смает с себя, даже если ее не видно... Все это указывало, насколько ему нужна роль лидера Легиона.

Это было нечестно, но неизбежно. Альде только и оставалось, что надеяться на глобальную справедливость, которая возьмет свое позже. Сегодня же Гидденису предстояло торжествовать...

– Итак, при всем уважении к памяти Виридианы Тассин, сегодня мы приветствуем нового лидера Легиона. Нашим номером один с этого дня и, надеюсь, на долгие годы становится Рафаль Стром.

Зал, готовившийся к унылым традиционным аплодисментам, поперхнулся тишиной. Замерли все – и легионеры, ни-

чего подобного не ожидавшие, и солдаты, которые по-прежнему чувствовали себя лишними на этой церемонии. После потрясенного безмолвия первый прозвучавший голос, голос Одхана Роша, показался особенно громким:

– Это еще что за хрен с горы?

* * *

Да уж, неловко получилось. Одхана не впервые подводила привычка сначала говорить, а потом думать. Впрочем, настоящего сожаления он не испытывал, слишком уж велик был шок – постепенно переплетавшийся со злорадством.

Все ведь уже поверили, что первый номер достанется Гидденису Планте. Потому что этот аспид разве что через задницу не вывернулся наизнанку, чтобы добиться повышения! Одхан такие цели и уж тем более такие методы презирал, а потому не собирался восхищаться успехами Планты. При этом номер 4 признавал, что более подходящего кандидата на роль лидера просто нет. Разве что номер 7 озадачился бы – но это вряд ли. С чего бы, если много лет такого не случилось? Да и потом, способности номера 7 оставались грандиозными лишь на уровне слухов и легенд. В реальности никто не представлял, что может черный лис.

Так что это должен был оказаться Планта, ведь ни о каком Рафале Строне в Легионе прежде не слышали. И о том, что вслух произнес Одхан, сейчас наверняка думали все, кто на-

ходил в зале.

Посланник Легиона и сам понимал это, он не разозлился по-настоящему, но замечание все равно сделал, потому что того требовали приличия.

– Номер 4, прошу вас впредь воздержаться от несанкционированных вопросов, а тем более в такой форме. Я понимаю, что имя нового номера 1 вам незнакомо. Он только что окончил обучение, квалификация станет его первым опытом полевой работы. Но Легион верит в него – и вы тоже должны верить.

Надо же... А ведь Одхан все гадал, почему квалификацию так сильно изменили! Он предполагал, что дело тут в мошенниках вроде номера 7, которые показывают ровно столько силы, сколько считают нужным. Но могло оказаться, что квалификацию подогнали под потребности номера 1, который сейчас остро нуждался в опыте. Или по многим причинам сразу, у Легиона обычно так.

Рафаль Стром наконец показал себя, поднялся с кресла, махнул всем рукой. Как и следовало ожидать, он оказался мальчишкой лет двадцати, еще немного нескладным, но уже прекрасно развитым и тренированным. Очаровательная мордашка, при улыбке на щеках появляются ямочки, у него белоснежные ровные зубы, зеленые глаза и крупные кудри каштановых волос. Мальчик с открытки, мальчик для рекламы Легиона. Хорошее официальное лицо, тот, кто мгновенно вызывает симпатию. В этом, кстати, юный номер 1 был

похож на Гиддениса Планту. Черты внешности другие, но тоже привлекательные – и сразу чувствуется природное обаяние. Такой же почти во всем, но моложе, а значит лучше...

Одхан вдруг подумал, что, если бы Виридиана была здесь, она бы уже хохотала на весь зал. После всех усилий Гиддениса, после долгих лет интриг и многоуровневой игры он сегодня получил комок грязи прямо в улыбочивую пасть. Номером 2 был – номером 2 и останешься! Или начинай сначала, но та же схема уже не сработает. Гидденис ни в чем не ошибся, все просчитал верно. Он просто не знал, что где-то в глубинах Легиона растет такой вот запасной вариант.

Однако это не отменяло чудовищную смерть Виридианы, так что смеяться Одхану не хотелось. Восхищаться пацаном, ставшим номером 1, он тоже не собирался. Что из этого выйдет – пока непонятно, Рафалю еще предстоит проявить себя.

– Номер 1 не причисляется ни к одной команде, он всегда работает самостоятельно, – как ни в чем не бывало продолжил управляющий. – Поэтому и Рафаль Стром отправится на задание в одиночку. Но никаких поблажек у него не будет, присвоенный ему ныне номер 1 – это кредит доверия, который еще нужно выплатить.

Рафаль смиренно кивнул, всем своим видом показывая, что он понимает грандиозную ответственность и очень даже готов выплачивать. Подхалим мелкий... Одхан надеялся, что пересекаться им больше не доведется.

– Продолжим. Номер 2 остается за Гидденисом Плантой,

которому Легион неизменно выражает благодарность и почтение. Напарника у номера 2 также не будет – по тем же причинам.

Гидденис вряд ли уже смирился с таким неожиданным и грандиозным поражением, но ему хватило выдержки, чтобы изобразить спокойствие. Одхану было любопытно: попытается он придушить щенка на задании или все-таки не рискнет? В любом случае, Гидденис наверняка будет таскаться за новеньким, и номер 4 это вполне устраивало.

– Номер 3 Легиона – Стефан Северин. Его напарницей на задании выступит Бенедикта Крейн, телекинетик, номер 21.

Стефан был привычно вежлив, он кивнул всем, кто удостоился на него посмотреть. Но это и понятно, если уж Гидденис не сорвался, то этот и подавно себя не выдаст. А все равно забавно... В душе-то он наверняка не так умиротворен. Скорее, готов искушать себя за задницу до самых костей. Во время миссии на Адране он сделал опасную ставку, показывая, что он на стороне Гиддениса. Теперь же ставка не оправдалась, не до конца так точно. Дальнейшая судьба Стефана во многом будет зависеть от того, как проявит себя новый номер 1. В этом опасность интриг: если ты меняешь статус наблюдателя на статус игрока, прилететь может с любой стороны.

Рядом со Стефаном сидела симпатичная молодая девушка с короткой стрижкой. Одхан прекрасно знал, кто это. Не потому, что так уж интересовался телекинетиками. Просто он

не мог не заметить, кому звонит Иарлайт при каждом удобном случае, чьи фотографии заняли почти все стены в комнате киборга. Обычно Одхан посмеивался над ними, вся эта детская любовь его забавляла.

Но теперь она могла стать источником проблем. Если Стефан решит взорвать девчонке голову, просто чтобы снять стресс, Иарлайт обязательно вмешается – и тоже получит. Этого Одхану никак не хотелось. Он уже сделал себе мысленную пометку поговорить со Стефаном до начала задания. Может, ничего плохого и не случится... Стефан уже потерял одну представительницу своей команды. Если сейчас пострадает вторая, кое-кто может проститься с третьим номером, квалификация – она такая. Вот эту простую истину Одхан и планировал донести до слизкого змея.

– Номер 4 – Одхан Рош, с ним работает Иарлайт Лео, киборг, номер 18.

Про себя-то Одхан все знал. Его как раз назначение неожиданного номера 1 не касалось. На Адране он на свой страх и риск воздержался от выбора сторон, и теперь это пошло ему на пользу. Пусть эти пауки перегрызут друг друга, а его оставят в покое! Зачем вообще нужны интриги, если можно спокойно выполнять свою работу? Мир губят амбиции. И идиоты.

А еще любовь... Об этом Одхан подумал, бросив взгляд на своего спутника. Иарлайт, не отрываясь, следил за Бенедиктой Крейн. Понял уже, чем работа со Стефаном чрева-

та... Одхан смирился с тем, что на миссии ему придется быть еще и нянькой.

– Номер 5 – Эстрид Ингитора, с ней работает Матео Сибри, электрокинетик со способностью к пирокинезу, номер 11.

Вот на Эстрид Одхан посмотрел с готовностью – она всегда представляла собой завораживающее зрелище. Его вечная соперница, надо сказать, у которой ему каждый раз приходилось с огромным трудом добывать победу.

Эстрид родилась альбиносом. После мутации она могла бы изменить внешность, а она предпочла этого не делать, навсегда сохранив за собой специфические черты лица, белоснежную кожу, красные глаза и длинные льняные волосы. В целом, номер 5 была образцовым воином – сильным, холодным, расчетливым, чем-то неуловимо похожим на одного из капитанов. Она бы и вовсе казалась роботом для выполнения заданий, если бы не ее решение оставить прежнюю внешность, сентиментальная дань человеческому прошлому.

На одной из предыдущих квалификаций Одхан в шутку сказал, что Эстрид была бы очень даже ничего, если бы добавила себе немного цвета. Тогда номер 5 лишь холодно улыбнулась. А на ближайшем поединке она дралась так яростно и отчаянно, что Одхану лишь чудом удалось сохранить свои позиции. И то Эстрид отделалась небольшим сотрясением, а номер 4 три дня провел в лазарете, отрачивая вырванные ребра и выбитые зубы. После этого он на всю жизнь усво-

ил, что под вечными льдами этой девицы таятся вулканы, ее лучше не злить.

С собой Эстрид притащила сильного солдата, это сразу становилось понятно. Дело было не только в высоком номере или развитом даре, включавшем пирокинез. Просто хорошего воина видно по его поведению: он расслаблен, он ничего не боится. Этот электрокинетик наверняка знал, что любой из десятки лучших легионеров способен его убить. Но знал он и то, что дорого отдаст свою жизнь – так дорого, что они сто раз подумают, прежде чем связываться с ним. Он был достаточно силен, чтобы оставаться свободным. Эстрид и тут осталась верна себе: она все просчитала верно.

– Номер 6 – Шарлотта Мю. К сожалению, вся команда Шарлотты остается на карантине после недавней миссии, поэтому на задание она отправится в одиночестве.

Шарлотта Одхану как раз нравилась. Красивая улыбчивая азиаточка, фарфоровая куколка с голубыми глазами. Естественно, такие мысли Одхан держал при себе, урока, полученного от Эстрид, ему оказалось достаточно. Хотя Шарлотта вряд ли стала бы его бить, она была слишком мила для этого. Она умела искренне радоваться жизни, а главное, держалась в стороне от интриг, и этим она была особенно симпатична номеру 4.

То, что у Шарлотты на этой миссии не было спутника, вовсе не означало, что на задание она полетит одна. Номер 6 неизменно сопровождала морифирийская гиена, которая и

сейчас свернулась у ног своей хозяйки. Зверюга была накачана кровью легионера и могла использоваться как оружие. Однако Одхан подозревал, что все не настолько просто. Шарлотта была привязана к этой своей питомице и уж точно не хотела ее потерять. Кому-то другому не позволили бы таскать с собой настолько крупного зверя, это требовало дополнительных трат от космического флота. Однако с номером 6 Легиона сложно было спорить.

– Номер 7 – Габриэль Триан, с ним работает Альда Мазарин. У Мазарин две способности – по телепатии она номер 53, по телекинезу – 921.

Этот наверняка радуется, что седьмым остался... Хотя кто его разберет? Одхан с удивлением обнаружил, что не испытывает былой неприязни к номеру 7. Нельзя сказать, что он проникся уважением к Триану, однако позиция этого махинатора на Адране была номеру 4 куда ближе, чем уловки номеров 2 и 3.

Теперь же номер 7 казался скучающим, будто ему было глубоко плевать решительно на все, и он бы плевал, да слюны не хватило. Когда его назвали, он даже не моргнул. Он будто отсчитывал секунды до того момента, когда все наконец закончится.

Рядом с ним устроилась телепатка. Она как раз изменилась... Не внешне, нет. В своем отношении к Триану. Раньше она смотрела на него с преданностью, которой он вряд ли заслуживал. Теперь же девица даже не пыталась скрыть свое

презрение. Разобралась, значит, что к чему... Это правильно. Дольше проживет.

– Номер 8 – Саломе Арамар, с ней работает Бастьен Сарду, хилер, номер 16.

Услышав, что номер 8 притащила с собой хилера, Одхан чуть не расхохотался. Саломе, конечно же, будет утверждать, что выбрала его из-за высокого номера. Потому что легионерам хилер не нужен, все ведь знают! Однако Одхану, как и многим другим, была прекрасно известна ее трусость. Номер 8 и правда была сильным воином, щедро одаренным при перерождении. А вот с характером ей не повезло, полностью подавлять в себе страх она так и не научилась.

Теперь артистизма Саломе хватало разве что на гордые взгляды, которые она то и дело бросала в зал. Одхан не сомневался, что внутри она леденеет от страха. Самым забавным было то, что она даже хилера себе добыла какого-то неврастеничного, не в меру вертлявого, как будто не до конца понимающего, куда он вообще попал. Любопытно, не понизят ли ей номер?

– Номер 9 – Виндар Люций. Не работает с командой, выполняет специальные поручения, будет проходить испытание один.

Виндар был еще одним любопытным существом на этом изначально диковатом сборище. Он относился к старшим поколениям – большинство легионеров того времени либо погибли, либо ушли на покой и приняли работу в руковод-

стве. Виндар же казался вечным, человек немолодой – но и не старый, сильный, как юноша, мудрый, как старик. Номер 9 много улыбался и мало говорил, он со всеми вел себя как друг, но никому другом не был. Поговаривали, что у него какие-то особые связи в руководстве Легиона. Однако что это за связи и какой от них толк тому, кто не строит карьеру, – никто объяснить не мог.

– Номер 10 – Лавиния Бона, с ней работает Эуфронио Армато, телепат, номер 39.

Вот и еще одна куколка, которой нельзя говорить, что она куколка. Не то чтобы Одхан пытался – с номером 10 он пока ни разу не общался, на прошлой квалификации ее не было. Лавиния недавно окончила обучение, стартовала с номером 12, теперь добралась до десятки. Неплохой результат в столь юном возрасте, хотя Одхан сильно сомневался, что ее прогресс и дальше будет таким стремительным. Лавиния уже получила определенный опыт, однако в ней все еще чувствовалась неуверенность новичка. А может, она просто была очередной талантливой актрисой, которая за застенчивой улыбкой скрывает оскал пираньи.

– Бабы – зло, – тихо проворчал Одхан.

Иарлайт бросил на него удивленный взгляд:

– Ты молчал полчаса, только чтобы изречь вот это?

– Не болтай, сопляк, ничего еще не закончилось.

Вместе с Лавинией прибыл телепат неплохого уровня. Вроде как повыше номером, чем спутница Триана, а значит,

сильнее. Вот только Одхан сильно сомневался, что цифры на сей раз не врут. Он помнил ту девочку на Адране, она была... странной. И она провела с Виридианой Тассин последние часы жизни номера 1. Это почему-то казалось важным.

– Вы узнали, кто отправится вместе с вами на миссию, – завершил управляющий. – А теперь я расскажу вам, какая планета вас ждет.

Глава 3

На экране они увидели удивительно прекрасный мир. Изумрудная зелень травы, искристые ручьи и широкие спокойные реки. Бескрайние поля, колосающиеся золотым зерном. Подсолнухи, поднимающиеся выше человеческого роста. Сады с яблонями, грушами, сливами – со всеми теми деревьями, которые Шарлотта последний раз видела на Земле. Величественные темно-зеленые леса. Дороги, мощенные коричневыми камнями, и аккуратные домики под черепичными крышами. Луга, на которых пасутся коровы, овцы и козы. Глубокие синие озера с крупными рыбинами, подплывающими к самой поверхности.

Голос за кадром подтверждал, что это не постановка и не монтаж, райский уголок действительно существует:

– Мы приветствуем вас на Феронии! Планета-мечта щедро кормит космический флот и обеспечивает едой пассажиров во время долгих перелетов. Здесь круглый год собирают урожай, а земные растения не только отлично приживаются, но и становятся крупнее.

Словно желая подтвердить это, камера сфокусировалась на яблоках, которые были раза в два больше земных, ананасах, которые можно было удержать лишь двумя руками, похожих на парящих птиц ярких цветах и подсолнухах, способных заменить полноценный винтажный зонтик.

– Животные, выращенные в этих условиях, дают так много молока, что на Феронии развито производство масла, сыра, творога и других особо ценных продуктов. Мясо, подготовленное на этой планете, неизменно получает высшую оценку от многих экспертов. Просто подумайте о каком-нибудь продукте – и вы обязательно найдете его здесь. Ну а главная гордость колонии в том, что все это великолепие способно порадовать многих людей в любом уголке вселенной. Для этого на Феронии был построен завод по производству космического питания.

Картинка сменилась. Вместо сельской пасторали на экране появилось чудо инженерной мысли – огромный, как крепость, современный завод. Он находился неподалеку от небольшого городка, огражденный от маленьких домиков полями и забором. Это расстояние спасало: завод не нависал над жилищами людей, он вполне гармонично сливался со старым лесом.

Вдоволь покружив вокруг завода, дрон-камера скользнул внутрь, демонстрируя зрителям ярко освещенные цеха и бодро работающие конвейеры. Здесь было видно, как уже знакомые яблоки, ананасы и лимоны сыплются в специальные люки, чтобы на выходе превратиться в герметично упакованное пюре. Преисполненный гордостью голос за кадром вещал, что на заводе одновременно работают пять цехов, способных подготовить для отправки в космос любую категорию продуктов. Вот так идеальное сочетание погод-

ных условий и плодородной почвы на Феронии может накормить целый флот и, конечно же, обеспечить безбедное будущее жителей колонии. Те самые жители, счастливо махавшие в кадре, словно пытались подтвердить это своими широкими улыбками. Запись логично завершилась обещанием того, что всех ждет прекрасное светлое будущее.

Вот только Шарлотта сомневалась, что это действительно так. Рекламные ролики врут, такая уж у них миссия. Если бы на Феронии действительно все обстояло идеально, никто не направил бы туда десять лучших воинов Легиона.

– Вы только что увидели место, в котором вам предстоит работать, – указал один из больших боссов, проводивший собрание. Шарлотта не знала его имени, да и не особо интересовалась. Тот, кому поручали показывать свое лицо открыто, обычно имел в совете наименьшее значение. – К сожалению, сегодня Ферония не столь привлекательна. Но прежде, чем мы перейдем к сути проблемы, я хотел бы побольше рассказать вам об этой колонии. Она была основана пассажирами корабля «Оракул», стартовавшего более ста лет назад в рамках миссии «Исход». И этот корабль был особенным...

Шарлотта терпеть не могла миссию «Исход». Номер 6 не распространялась об этом, потому что legionерам не полагалось осуждать решения флота. Но вся эта идея с созданием колоний любой ценой угнетала ее. Интересно, кто-нибудь подсчитал, сколько людей тогда погибло? И собирается вообще считать? Понятно, что колонии и правда были нужны.

Однако Шарлотта не верила, что цель оправдывает средства. Корабль «Оракул» действительно оказался особенным. Собранные на нем люди каким-то образом узнали, что в основе миссии лежит обман. С Землей все в порядке, покидать ее не обязательно, просто иначе тысячи образованных людей не пойдут на чудовищный риск ради освоения других планет. По версии Легиона, колонисты все равно предпочли лететь, но уже добровольно, со всей ответственностью и осознанием своей почетной миссии. Шарлотта подозревала, что там все было не настолько радужно. Им просто намекнули, что будет, если они начнут болтать. Колонисты не были уверены, что им простят одно лишь знание правды, и решили все-таки рискнуть.

Но риск в их случае не был слепым. Они обошли жеребьевку и сами выбрали себе планету – ту, на которой у них были все шансы на благополучную жизнь.

– Они предпочли планету Лейтен-б, – пояснил управляющий. – Она находится на относительно небольшом расстоянии от Земли, что снижает опасность путешествия. По всем предварительным подсчетам Лейтен обладал идеальными условиями для жизни.

Это оказался тот редкий случай, когда расчеты подтвердились. «Оракул» без особых проблем добрался до своего нового дома и обнаружил цветущий теплый мир. Лейтен был даже лучше, чем предполагалось в теории – с оптимальной температурой, плодородной почвой и более-менее безопас-

ной флорой и фауной. Благодаря мягкой посадке корабль сохранил свой груз неповрежденным, у колонистов теперь были ресурсы для строительства и посадочные материалы. На планете основали небольшую уютную колонию, а свой новый дом нарекли Феронией.

Все эти годы события на Феронии складывались хоть и не идеально, но неплохо. Продолжительность жизни оставалась высокой, люди существовали мирно, развитие сдерживалось разве что недостатком «свежей крови» и медленным технологическим прогрессом, но с этим можно было смириться.

А потом об «Оракуле» вспомнил космический флот. Когда началась вторая фаза проекта «Исход», предполагавшая поиск колоний, об этой планете заговорили почти сразу. Прибывшая команда обнаружила, что на Феронии все хорошо: есть, с кем договориться, есть, чем торговать.

Тогда и были подписаны первые контракты. Колония желала сохранить свою жизнь прежней, и это можно было устроить. Космическому флоту было выгодно оставить планету сельскохозяйственной, продовольствие такого качества высоко ценилось, в нем нуждались и военные, и гражданские суда. Поэтому строить большие города на Феронии не стали, возвели лишь завод, производящий космическое питание. Колонисты взамен получили новое оборудование, саженцы, животных – все, что запросили. Им по первому требованию доставлялись лекарства, инновационные технологии, транспорт, но они сами решали, какими будут обновле-

ния на планете. С помощью этих технологий фермеры производили куда больше, чем раньше. Необходимый минимум они оставляли себе, все остальное продавали заводу. Назначенные колонистами комиссии следили, чтобы местных не обсчитывали и сотрудничество не превращалось в рабство. Впрочем, космический флот и не пытался мошенничать. Зачем? Завод на Феронии был выгоден при любом раскладе.

Несколько лет сотрудничество шло великолепно, колония процветала. Фермеры богатели, зашла речь о создании зон отдыха для туристов с других планет, велись переговоры о строительстве институтов и внедрении роботов, которые оставили бы людям больше времени на искусство и развлечения.

А несколько недель назад идеальный маленький мир начал разваливаться.

Кадры цветущих пейзажей сменились на экране кровавыми снимками. Замученные люди, изуродованные, разорванные, едва опознаваемые. Искажённые предсмертным ужасом лица. Маленькие детские гробики, опускающиеся в землю, слезы выживших. Сочные луга, усеянные мертвыми животными. Озера, на поверхности которых плавают бледная, уже начавшая разлагаться рыба.

– Все началось с того, что приняли за несчастные случаи, – пояснил управляющий. – Одиночные, по всей колонии, никак не связанные. В то время они вызвали печаль, но не шок. Да, на Феронии не было ни войн, ни эпидемий, но в жизни

случается всякое. Местная полиция была уверена, что справится своими силами.

– Но, конечно же, не справилась? – хмыкнул Одхан Рош.

Вот уж кому было безразлично, как на него смотрят окружающие. Порой Шарлотта даже завидовала такой беззаботности.

– Нет, не справилась. Многие полицейские тоже погибли. Главная сложность заключается в том, что все смерти, произошедшие в эти дни на Феронии, кажутся не связанными между собой. Одни похожи на несчастные случаи, другие и вовсе необъяснимы – по крайней мере, с теми знаниями, которыми обладают колонисты. В последние дни жизнь на Феронии превратилась в русскую рулетку: невозможно было определить, кто доживет до конца дня. Выживание стало вопросом удачи, а это недопустимо.

– При таких вводных жителей колонии должны были эвакуировать, – заметил Виндар Люций.

– Протокол соблюден, позавчера эвакуация завершилась. Завод остановлен, на данный момент на Феронии не осталось ни одного человека. Количество преступлений и их характер не оставляют сомнений в том, что полиция в них не разберется. Изначально предполагалось, что в колонию будут направлены две-три команды специального корпуса для проведения расследования, поскольку дело сложное и какого-либо предварительного понимания того, что происходит, у нас нет. Но в последний момент совет Легиона счел, что

это будет хорошей возможностью подтвердить квалификацию наших лучших солдат, совершая при этом доброе дело.

Шарлотта только хмыкнула. В день, когда Легион включит в свои цели добрые дела, планеты сойдут с орбит и догорят звезды. Нет, дело было скорее в том, что Ферония относилась к особо ценным планетам, и она была собственностью космического флота. Каждый день простоя завода означал грандиозные потери, расследование нужно было провести как можно быстрее. Десять лучших воинов Легиона, да еще и в сопровождении шести сильных солдат специального корпуса, должны справиться с этим. Шарлотте было любопытно, кто все-таки настоял на присутствии солдат: Легион или специальный корпус? Сначала ответ казался очевидным, теперь были возможны варианты.

Сама она не печалилась о том, что у нее нет напарника. Во-первых, она ни с кем в своей команде по-настоящему не ладила. Во-вторых, пока с ней Люси, одинокой она не будет.

– Вы все отправитесь на Феронию сегодня же, – указал управляющий. – При этом Легион не ожидает, что вы будете работать единой командой. Мы прекрасно знаем, что вы к такому не привыкли.

Номер 6 кивнула, хотя никто на нее сейчас не смотрел. Легион прав, нельзя их объединять. В первой десятке у всех огромная сила сочетается с непомерными амбициями, они не командные игроки. Если их объединить, они будут топить друг друга, заключать союзы и плести интриги. О расследо-

вании могут и не вспомнить.

Легиону это было не нужно, инструкции оказались четкими:

– Перед отправлением на Феронию вы увидите карту, на которой отмечены места преступлений. Вы сами договоритесь, кто где работает. Если вы считаете, что вам нужно объединить с кем-то усилия – пожалуйста. Если вы предпочитаете действовать самостоятельно – это ваше право. В рамках квалификации процесс будет иметь большее значение, чем результат. Да, у того, кто определит причину смертей, будут определенные бонусы. Но в целом мы намерены посмотреть, *как* вы работаете. Вопросы есть?

– Какие уж тут вопросы... – проворчал Одхан Рош.

– Похвальное понимание. Тогда приступим к распределению.

На экране появилась карта с отмеченными местами преступлений. Подробностей Шарлотта не знала, да и не интересовалась. Ей нужно было выяснить детали лишь тех убийств, которые связаны с выбранным ею местом.

Знать бы еще, что за место... Управляющий не обманул их: преступления происходили по всей колонии. На фермах, на спасательной станции, в лесу – казалось, что на Феронии не осталось ни одного безопасного уголка. От такого кровавого изобилия Шарлотта даже растерялась, не зная, куда податься.

Зато кое-кому другому оказалось несложно сделать вы-

бор.

– Мне кажется, если все это не несчастные случаи, а диверсия, то связана она с заводом, – сказал Рафаль Стром. – Я бы хотел осмотреть его, понять, что там происходит. Я отправлюсь туда.

– Завод огромный, его в одиночку не осмотреть, – тут же подключился Гидденис Планта. – Я пойду с номером 1, если он не возражает.

– Не возражаю, конечно, сочту за честь.

Становилось все любопытней. Шарлотта знала, что мысленно Гидденис уже нацепил корону первого номера. Теперь он мог сколько угодно изображать смирение, он наверняка взбешен. Разумно ли было отпускать его с тем, кого он считал чуть ли не врагом? Если он захочет убить паренька, сейчас – идеальный момент. Можно будет сказать, что Рафаль, ни разу не бывавший на истинных миссиях, попросту не справился. Неужели Легион не понимает этого?

Но Легион то ли не понимал, то ли не считал нужным оберегать номер 1. Рафалю предстояло самостоятельно защитить свое место под солнцем. Управляющий просто кивнул, соглашаясь с таким распределением.

Теперь Шарлотту интересовало, как поступит Стефан Северин. Будет держаться рядом с Плантой, как раньше? Снова захочет выступить единым фронтом? Но нет, номер 3 пока помалкивал, выжидая. Похоже, он затеял свою игру.

– Мы осмотрим растительную ферму открытого типа, –

Триан указал на далекий участок на карте. – Говоря «мы», я имею в виду тебя и телепатку «Северной короны». Спутники нам не нужны. Надеюсь, привязаться никто не хочет?

Желающих не было. Шарлотта даже язык прикусила, чтобы ненароком не издать ни звука, который номер 7 мог бы принять за согласие. Подумать только – даже высшие номера косились на Триана с опаской! Это было бы смешно, если бы не было так жутко. И ведь никто не мог толком объяснить, что в этом типе такого пугающего, однако от него хотелось держаться подальше. Шарлотта мысленно посочувствовала молодой телепатке, которая вынуждена работать с ним. Судя по мрачному взгляду, девушка прекрасно понимала, какая незавидная участь ей досталась.

– Мы берем ферму оранжерей, – предупредила Эстрид. – Насколько я поняла, там творилось очень много непонятного.

– Я могу пойти с вами, – предложила Шарлотта. – Ферма довольно большая, справимся быстрее...

Рядом с Эстрид ей всегда было спокойней. Номер 5 как будто знала больше остальных, у нее всегда было не менее трех планов наготове. В том хаосе, который творился на Феронии, это казалось особенно важным.

Вот только Эстрид в поддержке не нуждалась.

– Благодарю за предложение, но не считаю это нужным. Мы с Матео справимся сами.

– Ну и ладно, – оскорбилась Шарлотта. – Тогда мы с Люси

берем на себя лес.

Решение было скорее импульсивным, но отменять его Шарлотта не стала. Чем лес хуже фермы? Да ничем. Люси там понравится, а номеру 6 было все равно. Она пока что понятия не имела, как вести это расследование. Она ведь совсем другим обычно занималась!

– Думаю, мы можем взять на себя рыбоводческую ферму, – вызвалась Саломе Арамар.

И тут произошло нечто по-настоящему странное.

– Мы пойдем с вами, – обыденно заявил Стефан Северин. – Вместе разберемся быстрее.

Саломе, никак не ожидавшая такого, просто застыла с раскрытым ртом. Да и понятно, почему! Номер 8 и номер 3 не связывало вообще ничего. Стефан до этого момента молчал, будто раздумывая о чем-то, и вдруг принял решение за секунду. А он, в отличие от Шарлотты, не импульсивен, каждое его действие должно нести выгоду лично ему...

Похоже, другая команда нужна ему, чтобы хоть кто-то вел расследование. А именно рыбоводческую ферму он предпочел, потому что она располагалась неподалеку от фермы, выбранной номером 7. Снова интриги... Шарлотта лишь порадовалась, что она будет далеко от них.

Молодой киборг что-то сказал номеру 4, и Одхан Рош со скучающим видом указал:

– Мы осмотрим спасательную станцию. Не обсуждается.

А спасательная станция, в свою очередь, была неподалеку

от рыбоводческой фермы. Цепочка, выстраивавшаяся среди легионеров, становилась все сложнее.

– Ну а нам, получается, остается только животноводческая ферма, – отметила Лавиния Бона. Она повернулась к номеру 9: – Господин Люций, не составите ли нам компанию? Нам очень пригодился бы ваш опыт.

Хитрая девочка, это надо признать. Лавиния тоже заметила, что рядом формируются странные союзы, и решила подстраховать себя присутствием более опытного и влиятельного легионера.

Виндар Люций не стал упрямиться, он благосклонно кивнул:

– Почему нет? Работы везде хватит.

– Рад, что решение принято так быстро, – сдержанно улыбнулся управляющий. – Тогда я желаю вам удачи. Легион на вас рассчитывает. Думаю, очень скоро со всем будет покончено – ведь правда?

* * *

От ненависти Альда очень быстро устала. Оказывается, ненависть – та еще паскуда: сколько бы дров ты ей ни подкидывал, она все равно сожжет тебя изнутри. Она, наглая, всеядная, отнимет способность радоваться и любить, силы и даже желание хоть что-то делать. И вот когда Альда убедилась в этом на собственном опыте, она отказалась от ненави-

сти, перекинув энергию на глухой телепатический блок. Теперь никто из окружающих телепатов не смог бы даже предположить, что она думает и чувствует. Правда, и она уже не могла просканировать тех, кто рядом, но она и не пыталась. В ее мире одного легионера хватало с лихвой, еще девять – это уже перебор.

Триан оставался верен себе: он был спокоен, расслаблен даже. Окружающие его как будто побаивались, и это было любопытно... Хотя и не удивляло. Альда помнила о том, что Диана рассказывала ей про эксперимент. Триан остается для них непонятным, нестабильным, такое всегда пугает.

В иное время Альда посочувствовала бы ему, а теперь сил не хватало и на это. Потому что внутри по-прежнему боролись две правды о нем. Если принять одну, хотелось свернуть ему шею. Со второй правдой возникало желание обнять его и защитить. И то, и другое было крайностями, так что Альда предпочла не чувствовать ничего и сосредоточилась на миссии.

Перелет к Феронии был недолгим. Значит, база Легиона изначально располагалась недалеко от этой планеты – и от Земли. Следовало догадаться, что легионеры сумеют неплохо устроиться.

В пути Альда со своим спутником не разговаривала. Мысленной речи мешал телепатический блок, а настоящая становилась рискованной, когда непонятно, кто друг, кто враг, а на кого можно не обращать внимания.

На планету они отправились на челноке, похожем на «Стрелу», только побольше. Альда уже знала, что корабль не будет дожидаться их здесь. Они по-прежнему не представляли, кто убивал людей в колонии, и не хотели оставлять возмозможному преступнику транспорт. Им предстояло вызвать челнок, когда миссия будет завершена, а до этого момента они были сами по себе.

Оказалось непривычно лететь без своих способностей – и без возможности в любой момент узнать, что думают окружающие. Из-за этого Альда чувствовала себя уязвимой, чуть ли не голой. А ведь раньше рядом с Трианом такого не бывало – уязвимости этой... Чтобы отвлечься, телепатка все внимание сосредоточила на морифирийской гиене, путешествовавшей в специальной защитной клетке.

Об этих существах Альда раньше слышала, даже изображение видела, а вот вживую наблюдала впервые – и зрелище оказалось завораживающее. Очертаниями зверь и правда напоминал земную гиену, за то и получил свое название, а вот размерами значительно превосходил. Крупная голова на крепкой длинной шее, сильные лапы, бугрящиеся под шкурой мышцы – все это указывало на отличные боевые способности. На треугольной морде гиены горели большие круглые глаза, темный нос чуть заметно двигался, улавливая запахи, широкая клыкастая пасть оставалась приоткрытой – не в агрессии, из-за духоты в челноке. Агрессии гиена никогда не проявляла, напротив, животное оказалось на удивление

умным.

– Ее зовут Люси, – сказала номер 6, перехватившая взгляд Альды. – Нравится?

– Она очень красивая, – кивнула телепатка. – Я и не ожидала, что в реальности эти звери настолько красивы.

– Да, я тоже, пока не прибыла на Морифирию. А потом увидела и поняла, что не прощу себя, если не увезу одну с собой, – засмеялась Шарлотта.

Альда не пыталась ей польстить, она и правда считала гиену красивой. Завораживал даже не сам зверь, а его шерсть: очень плотная и жесткая, она обладала легким зеркальным эффектом. Из-за этого казалось, что Люси постоянно меняет цвет, хотя она попросту отражала все, что ее окружало, от ее воли тут ничего не зависело. В джунглях Морифирии это, пожалуй, делало гиену если не невидимой, то едва заметной, еще одна важная для хищника черта. Интересно, как Шарлотте удалось приручить гиену? Или речь шла не о приручении, а просто о подчинении через кровь?

Впрочем, Триан же сумел приручить человека...

Эта мысль вылезла непонятно откуда, оказалась совсем уж неприятной и испортила Альде настроение на весь оставшийся полет.

Челнок приземлился в поле перед заводом. Неподалеку располагался городок, раньше служивший общим рынком, чуть в стороне – дорога. Там их уже дожидались автомобили, оставленные колонистами. Здесь можно было разделить-

ся, легионеры не враждовали открыто, но и сотрудничать без острой необходимости не собирались.

Альде и Триану достался небольшой джип, предназначенный не только для удобных мощеных дорог Феронии, но и для территорий, в которые цивилизация не добралась. Машина была не слишком быстроходная, однако с учетом того, что на большинстве миссий им приходилось путешествовать пешком, это можно было считать подарком судьбы.

Первое время они ехали в тишине – и тишина эта была непривычно напряженной. Такого между ними раньше не случалось, даже когда они знали друг друга гораздо хуже. Хотя знание не всегда на благо...

– Мы доберемся до фермы через пару часов, – предупредил Триан.

Он говорил с ней как раньше, спокойно и невозмутимо. При этом он тоже удерживал телепатический блок, но Альду это больше не оскорбляло. Им нужно было научиться общаться без горечи, это вопрос не профессионализма даже, а выживания.

– Ты не удивился, когда Рафаля Строма назначили первым номером, – указала Альда. – Остальные были в шоке, почти все, но не ты. Как так вышло? Ты знал?

– Знал, – подтвердил легионер. – Но я узнал незадолго до них, где-то за сутки. Возможно, тогда это решение и было принято. Нас не зря мариновали на станции столько дней – мы просто жили там, ничего толком не делая. Значит, в со-

вете были противоречия насчет первого номера.

– Но они все равно назначили лидером не Планту, а какого-то мальчика?

– Он не мальчик – если только речь не идет исключительно о половой принадлежности. Я уже говорил тебе, что руководство Легиона неоднородно.

– Говорил. Есть администраторы, стратеги из числа бывших легионеров и научный отдел, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься. Диана была сторонницей стратегов. За Планту ратовали администраторы. Стром – ставленник научного отдела. Думаю, долгие переговоры по поводу назначения номером 1 были связаны как раз вот с такими скрытыми течениями. Планта гораздо опытней. Стром сильнее на уровне базовых способностей. При финальном выборе не последнюю роль сыграло то, что Планта убил Диану – в этот раз стратеги поддержали научный отдел, и мы имеем то, что имеем.

Триан ничего не скрывал от нее, но нельзя сказать, что они общались свободно, как раньше. Просто легионер слишком хорошо понимал, что ему сейчас нужна ее помощь – и ее понимание. Альда же отстранилась от собственных чувств, она предпочла полностью сосредоточиться на задании.

Эти интриги – они ведь тоже часть задания. Они определяют, как будут вести себя на Феронии легионеры.

– Научный отдел не сделал бы на него ставку, если бы он был просто одаренным от природы парнишкой, – указала

Альда.

– Нет, конечно.

– Он... как ты?

– Он – результат эксперимента, – невозмутимо пояснил Триан. – Но совсем иного, нежели мой, куда более... щадящего. Рафаль Стром – очень сложный многолетний проект, который начался до его появления на свет. Его выбрали еще в утробе матери.

Альда невольно вздрогнула, вспомнив собственную историю. Ее ведь тоже... выбрали. Хотелось обсудить это с Трианом – а она уже не могла. Потому что этот, новый, Триан, о котором она знала слишком много, больше не мог ее спасти. Говорить о задании было куда проще.

– На что он способен?

– Я пока не выяснил всю суть эксперимента, – признал Триан. – Но я знаю, что показатели по всем тестам у него идеальные, этим он и обошел Планту. Он сильнее Гиддениса.

– А Дианы?

– Несравнимо. Способности и навыки Дианы были слишком уникальны.

Да уж... И часть этих навыков хранила теперь Альда. Она не смогла передать их Триану сразу, а теперь вообще не понимала, как к такому подступиться. К счастью, пока у нее оставалось время на раздумья: тайну номера 1 можно будет обсудить только наедине, на ферме, но никак не в дороге.

Пока же за окном мелькали великолепные пейзажи Феронии. Планета так сильно напоминала Землю, что дух захватывало. При этом Ферония была по-своему лучше: больше растений, ярче цвета, и сезоны сливаются друг с другом так, что ландыши цветут под созревшими яблоками. Удивительный по своей красоте мир, Альда ничего подобного раньше не видела. И даже присутствие человека не уродовало его, а гармонично дополняло. Люди были деликатны на этот раз, они удачно вписали свои постройки в буйную зелень Феронии.

Рассказы о том, как счастливо здесь жили, в таком окружении казались естественными. А вот сообщения о жутких убийствах – нет, они были намеренной неправдой, призванной оклеветать маленький рай...

Если не видеть мертвые тела, кажется, что смерти не существует. Сомнительная стратегия, но иногда нужная.

– Ты слишком много знаешь, – отметила Альда, по-прежнему глядя не на своего спутника, а в окно.

– Разве это не постоянная моя черта?

– Эта да, но мне интересно, откуда. Никто ведь не знал... И ты не должен был. Тебе известно не все, но даже то, что известно, – много. Как будто ты шпионил за научным отделом! Но это же невозможно...

– Действительно. Невозможно. Как бы я смог увидеть?

Он вроде как ничего не сказал ей, как будто даже посмеялся – а она вдруг поняла. Вот это короткое слово «увидеть»

запустило цепочку воспоминаний, ведущую к правильным ответам.

– Хайд!

– Хайд, – все так же безразлично подтвердил Триан.

После прошлой миссии «Северной короны» Триан передал научному отделу мутировавшего снежного демона, для которого легионер создал глаза. Тогда казалось, что это лишь способ продемонстрировать свою лояльность и отвести от себя подозрения после попытки спасти Диану. Впрочем, уже в то время у Альды появились подозрения, что цели Триана гораздо масштабней, чем банальная попытка угодить.

И вот теперь это подтвердилось. Научный отдел наверняка гордился собой за то, что приструнил упрямого и непокорного номер 7, переманил на свою сторону – в отличие от тех же стратегов и администраторов. А Триан улыбался, кивал и узнавал важнейшие тайны Легиона, наблюдая за лабораториями глазами снежного демона.

Он рисковал, сообщая это Альде. Телепатке хотелось искать в его словах знак доверия, той особой связи, что существовала между ними раньше. Но – нельзя, потому что сентиментальность ее один раз уже подвела.

– Что еще тебе известно об этом Строне? – поинтересовалась Альда. – Кроме того, что он неимоверно крут с пеленок.

– То и известно, что он как раз не настолько крут. Это на совете его выставляли в лучшем свете просто потому, что так принято и нужно было оставить на втором месте Планту.

В реальности же никто не знает его боевых способностей. Так что для нас миссия на Феронии – просто задание. Для него – вопрос жизни и смерти. Мне, если честно, и самому любопытно, чем все это кончится.

* * *

В том, что эта миссия пройдет в напряженной тишине, Бенни даже не сомневалась. Молчали сейчас все – и все друг другу решительно не нравились.

Саломе Арамар было в тягость присутствие рядом с ней Стефана. Она не хотела с ним объединяться, но не смогла отказать, потому что ссориться с номером 3 себе дороже. Да еще с таким... В Легионе наверняка понимали, на что он способен.

Хилер этот, Бастьен Сарду, всей правды не знал, однако о многом мог догадаться. Он ничего не говорил, но постоянно дергался, то по сторонам оглядывался, то почесывался, то хмурился без причины. Все это серьезно напоминало нервный тик, и Бенни почти забавляло то, что хилер не может вылечить сам себя. Почти. Но не по-настоящему, потому что истинных причин для смеха ни у кого тут нет.

Бенни ведь тоже не представляла, почему Стефан выбрал именно ее. Этой крысы не было на корабле несколько недель – он восстанавливался после травм, полученных на Адране. Бенни в глубине души надеялась, что номер 3 вообще не вер-

нется. Им назначают другого легионера или, того лучше, решат, что «Корвус» может обойтись без такой сомнительной помощи.

Но нет, не повезло, Стефан вернулся. Сначала побродил по кораблю с загадочным видом, потом смотался куда-то, чуть позже прислал сообщение о том, что ему нужна Бенни.

Она, конечно же, пыталась отказаться. Она объясняла капитану, что ничего хорошего из этого не выйдет, но тому было плевать. Есть приказ, а уж что ты чувствуешь и чего боишься – твое личное дело. Поэтому Бенни вынуждена была работать с тем, кто убил ее подругу и кого она не раз открыто обвиняла в преступлениях.

Бенни ожидала, что легионер начнет атаку при первой же встрече. Однако Стефан, казалось, большую часть времени вообще не замечал свою спутницу. Он таскал ее за собой, потому что так было нужно, но никаких попыток воздействовать на свое сознание Бенни не уловила и перемен в себе не чувствовала. Тут одно из двух: либо телепатическое проникновение стало настолько тонким, что она ничего не заметила, либо Стефана волновало что-то иное, ему было не до места.

Или, может, он не хотел совсем уж нагнать в присутствии других легионеров, ждал подходящего момента. Когда они добрались до Феронии и вчетвером оказались в автомобиле, Бенни снова напряглась. Вот это был идеальный момент для атаки! Номер 8 слишком слаба, чтобы заметить неладное, да

и плевать ей, хилер тоже никого спасать не будет... У Стефана все получилось бы, если бы он захотел.

Но он не хотел. Номер 3 всю дорогу выглядел задумчивым, он смотрел только в окно и ни с кем не разговаривал. Молчание первой нарушила Саломе:

– Так что нам известно по рыбоводческой ферме?

После того, как все команды выбрали место работы, им предоставили дополнительные данные о том, что случилось именно там. Изучать все подробности на общем собрании не было смысла, слишком уж много несчастий произошло на Феронии за эти дни, слишком разными они были. Если бы расследовать эту бойню было так просто, никто не стал бы привлекать специальный корпус!

Саломе Арамар вела машину, поэтому файлы изучал хилер. Бенни старалась на него не смотреть, словно его нервный тик был заразным. Вместо этого телекинетик предпочитала разглядывать номер 8 – зрелище ведь и правда было необычное!

Саломе была очень большой. Не полной, а рослой, плечистой и мускулистой. Под черной формой бугрились массивные мышцы, каких Бенни на общем собрании не видела ни у кого из легионеров-мужчин. Черты лица Саломе при этом оставались узнаваемо женскими, и казалось, что на тело викинга просто пришили чужую голову. Длинные светлые волосы номера 8 были заплетены сложными косами с вплетенными в них лентами, из-за этого она не носила ме-

таллический обруч, который прежде казался Бенни обязательным элементом формы легионеров. Было немного забавно признавать, что Стефан Северин выглядел куда женственней своей коллеги – хотя раньше Бенни так о нем не думала.

– Ферма большая, занималась разведением рыбы, несколько видов, – отчитался Бастьен, склонившийся над компьютером. – Исконные и привезенные колонистам после установления торговых отношений с Землей.

– Кем управлялась? – уточнила Саломе.

– На Феронии все фермы семейного типа. То есть, каждой из них управляла та семья, которая и основала когда-то ферму. Иногда одной семьи хватало на все – если было много детей в нескольких поколениях. Если нет, управляющая семья позволяла поселиться на территории своей фермы еще нескольким семьям, а они в качестве оплаты работали. На рыбоводческой ферме был второй случай. Суммарно там проживали человек пятьдесят.

– И как, все умерли? – безразлично уточнила номер 8.

– Нет, не все... Да и не там. Просто некоторые на ферме начали тяжело болеть, но очень выборочно. Не было такого, чтобы заболела целая семья, болели представители разных семей, никак не связанные между собой. При этом те, кто жил с ними под одной крышей, часто оставались здоровыми, поэтому метод заражения определить не удалось.

– Что случилось с заразившимися?

– Их доставили в больницу, там они умерли в разные сро-

ки. Никто не выжил.

– В больницу? Значит, это не наша забота, пусть номер 4 разбирается.

Больница на Феронии была частью спасательной станции – вместе с полицией и службой пожарных. Туда должны были отправиться Одхан Рош и Иарлайт. От этого на душе у Бенни становилось тоскливо: она бы лучше с ними пошла! Но ей никто права голоса не давал. Получается, они с Иарлайтом будут так близко, впервые с Адрана, но не смогут встретиться. У них только и было, что полет до станции... Слишком мало.

– Что-нибудь еще там произошло? – поторопила Саломе, когда Бастьен снова углубился в чтение, позабыв обо всем на свете.

– А?.. Да, было. Где-то за неделю до общей эвакуации пропал владелец фермы, Сат Нариф.

– Как пропал?

– Пропал и все. Его жена однажды проснулась – а его в постели нет. Стали искать, сначала сами, потом полицию вызвали. Бесполезно. Не нашли нигде, ни живого, ни мертвого. Не нашли даже крови или хоть каких-то следов сопротивления. Из крупных происшествий это все, было еще по мелочи: слышали необычные звуки, рыба необъяснимо погибла в одном из озер, находили на берегу непонятные следы. Но все это происходило уже в условиях нарастающей паники, которая обычно стимулирует фантазию. Нам вот что важно:

других жертв и исчезновений не было.

– Унылый случай, – подытожила номер 8. – Не представляю, каких результатов от нас ожидают с такими вводными. Но – будем искать, куда ж мы денемся!

Бенни покосилась на Стефана, ожидая, что он хотя бы теперь что-нибудь скажет. Однако номер 3 молчал, прислонившись лбом к стеклу автомобиля. Возможно, он медитировал и вообще не слышал сейчас ни единого слова об истории фермы. Но когда телепат его уровня так глубоко уходит в медитацию, это не сулит ничего хорошего.

Рыбоводческая ферма располагалась далеко от завода – пожалуй, дальше, чем все остальные, связанные чередой смертей. Бенни мысленно восстановила карту колонии, вспомнила, что фермы располагались и дальше, поселение на Феронии разрослось. Однако трагедии происходили лишь на определенном расстоянии от завода. Интересно, совпадение это или нет?

Сама ферма не выглядела как место преступления. Здесь все было спокойно, чувствовалось, что участок покидали не в спешке. На долгое отсутствие хозяев указывала разве что высокая трава, которую перестали косить, но и она была прекрасна – исчерченная разноцветными линиями цветов, наполнявших воздух медовым ароматом.

Большую часть территории фермы занимали озера. Бенни пока видела их лишь со стороны, те, что располагались поближе к дороге. Они были удивительными: с чистой во-

дой, искрящейся на солнце, и пологими берегами, поросшими ивами и цветами, названия которых Бенни не знала. Между озерами были построены аккуратные деревянные дорожки-мостки, чуть приподнятые над землей. Видно, делалось это для того, чтобы даже после дождей работникам фермы не приходилось с трудом пробираться через грязь.

Сад на ферме тоже был, но совсем небольшой – явно для личного пользования, фрукты и овощи на продажу выращивали в других местах. Аккуратные грядки начали зарастать сорняками, но все еще легко просматривались. Над цветами с жужжанием носились крупные толстые пчелы.

Машину оставили на стоянке, теперь опустевшей, и направились к дому мимо разросшихся деревьев. Листва, окрашенная в разные оттенки зеленого, давала тень. Впереди уже просматривались плоские домики, покрашенные в белый цвет, сплошь одноэтажные и тоже чуть приподнятые над землей. Крыши над ними были разноцветными – зелеными, синими и красными. Ставни на окнах оказались украшены детскими рисунками, на подоконниках стояли горшки с цветами.

Все это было не просто сценами покоя – это было Землей. Такого поразительного сходства с родной планетой Бенни никогда еще не встречала. Она и на Земле-то не была... Сколько лет? Десять? Двенадцать? Куда улетает время...

Из-за этого сходства казалось, что возникла какая-то ошибка, здесь не совершалось никаких преступлений – по-

тому что на Земле ничего плохого не происходит. Однако лучшим доказательством трагедии служила тишина. Детские площадки между домами и оборудование, сложенное возле сараев, стали намеком, что тихо здесь быть не должно. На ферме с самого утра перекрикивались рабочие, смеялись малыши, их то отчитывали, то хвалили молодые матери... Ритм жизни пульсировал голосами – раньше. Теперь уже нет.

Но если Бенни думала об этом, то у Саломе Арамар были совсем другие заботы.

– Как я и предполагала, никаких толковых следов, – покачала головой она. – Будем искать непонятно что. Или, может, по телепатии что есть? А, Северин?

Ответа не последовало. Бенни, не ожидавшая такого, обернулась первой – и обнаружила, что на дорожке их осталось всего трое.

Машину Стефан покинул, это точно. Он по-прежнему молчал, сразу отстал, просто плелся за остальными. А теперь вот исчез... Вряд ли случайно. Скорее всего, он планировал нечто подобное с самого начала, это было вполне в его духе. Поэтому он и навязал Бенни другой команде – чтобы они проследили за его спутницей, пока он там в уголке интриги плетет. Что почувствует при этом телекинетик и как к ней будут относиться, его не волновало. А судя по злому взгляду Саломе, та тоже все поняла и не собиралась изменяться на дружелюбие.

Бенни тяжело вздохнула. Миссия, которая ей изначально

не нравилась, только что обросла новыми проблемами.

Глава 4

В том, что пацан будет трястись из-за своей возлюбленной, и сомневаться не приходилось. Одхан даже поначалу позволил ему это, надеясь, что киборг справится с переживаниями самостоятельно. Не сложилось: всю дорогу Иарлайт сидел так, будто ему пружину в задницу встроили и три раза провернули. Ничем хорошим это бессмысленное напряжение закончиться не могло.

Справедливости ради, беспокоился он не зря. Северин и правда мог сделать из мозгов его возлюбленной паштет, если б захотел. Ну так что с того? Пацан все равно этого изменить не мог. Ему нужно было научиться контролировать свои эмоции лучше и не тратить энергию на пустые переживания.

Однако урок был с треском провален. Когда они оказались в машине, Одхану пришлось сказать:

– Прекрати трепетать, барышня. Он ничего ей не сделает.

Одхан не стал уточнять, что за «он» и «она», это и так было понятно, даже с учетом той толпы, которая прилетела с ними на Феронию.

– Ты не знаешь этого, – буркнул Иарлайт.

– Знаю, вообще-то. Я с ним поговорил.

– Что?..

– Поговорил, – повторил Одхан. – Знал, что ты яйца от-

кладывать начнешь, а мне такое не надо. Спросил у него прямо, планирует он девку на фарш порубить или нет. Он сказал нет.

– И ты ему поверил? Он же псих и долбанный маньяк!

– Не без этого, – с готовностью согласился легионер. – Но есть такая вот маленькая деталька, которая все равно больше, чем твой мозг. Северин – не тот маньяк, который наслаждается жестокостью. Ему по кайфу побеждать и добивать врагов. Эта малолетка не дотягивает до его настоящего врага, она так – муха раздражающая.

– Тогда почему он из всей команды выбрал именно ее?

– Потому что она посильнее других будет. Ему нужен был кто-то, кто сумеет позаботиться о себе. Будет ли Северин выполнять порученное ему задание? Да черта с два, он скорее енота родит! Нет, у него тут какой-то шкурный интерес, это чувствуется. Но он будет занят именно своими целями, а твою принцессу не тронет, она вообще не в его вкусе.

– Ты уверен в этом?

– Как и в том, что ты дебил. Я тебе и так сказал больше, чем должен был. А теперь займись делом!

Одхан действительно не сомневался, что номер 3 не будет тратить время на пытки и издевательства над какой-то там телекинетичкой. Иарлайту этого было достаточно, он заметно расслабился, привычно пропуская оскорбления мимо ушей.

Жаль только, что сам легионер вот так расслабиться не

мог. Во время короткого разговора он убедился, что у Стефана действительно свои планы на эту миссию. А его планы ни к чему хорошему не приводят, знать бы, что он затеял...

Однако выяснить это было невозможно, Одхан признавал, что опять повеяло интригами, которые он на дух не переносил. Легионер хотел сейчас лишь одного: заняться делом, сосредоточиться на своей работе. Это понятно и просто, как и должно быть!

Станцию выбрал Иарлайт, да и ясно, почему: отсюда было не так уж далеко до рыбоводческой фермы. Одхан тогда согласился на его предложение, потому что легионеру было все равно. Спасательная станция – это, на самом-то деле, хороший старт. Там многое произошло и там собраны все материалы, которые были у полиции.

Забавно даже... Если Стефан сейчас будет носиться со своими интригами, а Одхан успешно проведет расследование, их вполне могут поменять номерами. Интересно, как к этому отнесется белобрысый пижон? Хотя такой и напасть может... И почему все должно быть настолько сложным?

– Значит так, достижение космической промышленности, думай только о работе, – объявил Одхан, когда они добрались до станции. – Если увижу, что ты ни хрена не делаешь и посылаешь поцелуйчики в сторону горизонта – разберу тебя на тостер и три чайника.

– Ты чего рычишь? – удивился Иарлайт.

– В профилактических целях. За работу!

Спасательная станция оказалась многоэтажным зданием – первым, которое Одхан увидел на этой планете, не считая завод. Два ее корпуса поднимались к небу темными каменными башнями, соединенные плоской одноэтажной постройкой. Судя по плану, переданному Одхану, в одном здании находилась больница, в другом – полиция и пожарные. Служебные автомобили все еще стояли на просторной парковке, а вот люди исчезли. Из-за того, что на станции сохранился порядок, казалось, что это ненадолго, они скоро будут здесь... Однако легионер пока не мог с уверенностью сказать, получится ли у них вообще вернуться. Слишком уж странным было то, что творилось на этой планете, за годы службы Одхан ни с чем подобным не сталкивался.

– С чего начнем? – полюбопытствовал киборг. – С больницы, полиции или с оскорблений меня?

– Наглеешь.

– Был таким.

– На мою голову, – хмыкнул легионер. – Давай в больницу, туда свозили всяких-разных калеченных, может, и пойдем чего.

– Но сейчас-то их там нет!

– Нам обещали оставить протоколы вскрытий, этого должно быть достаточно.

Перед эвакуацией с Феронии мертвые тела действительно захоронили, все до единого, иначе родственники не покинули бы планету. Да оно и понятно, не по-людски это – вот так

мертвецов бросать. Одхан был не против, ему и самому не хотелось бродить среди полуразложившихся тел. К смерти должно быть уважение, всегда.

Для расследования обещали сохранить протоколы вскрытия и полицейские модели. В первом случае речь шла о полном медицинском отчете: наблюдения врачей, фотографии, результаты анализов. Полицейская модель была куда менее приятным, но тоже полезным ресурсом. Она представляла собой трехмерный голографический снимок в натуральную величину. Использование модели позволяло увидеть покойника, но не коснуться его. Одхан надеялся, что до этого не дойдет.

В идеально чистом холле легионер замер, сосредоточившись на своих способностях. Слух, обоняние, телепатия, он сейчас использовал все... и от всего получал один результат.

– Никого, – коротко сообщил он.

В больнице они с Иарлайтом были одни. Здесь не осталось не то что людей – животных даже. Оно и к лучшему.

Одхан сразу же направился к кабинету главного врача, там должен был находиться компьютер с полным доступом ко всем файлам. Копаться в этом лично легионер не собирался, он завалился в мягкое белоснежное кресло и закинул ноги на стол. Компьютером занялся киборг, это даже не нужно было обсуждать. Должен же и от пацана быть прок! Иарлайт не включал оборудование, ничего не выводил на монитор. Киборг подключился к системе напрямую и закрыл глаза.

Легионер дал ему несколько минут на поиск, наслаждаясь тем, как расслабляются мышцы спины в кресле. На редкость удобная штука! Интересно, есть ли тут функция массажа? Очень может быть, в колонии умели себя беречь.

Но это потом, когда закончится основной бардак. Пока же Одхан предпочел перейти к дежурному вопросу:

– Ну что?

– Ничего хорошего, – напряженно отозвался Иарлайт. В мире пацана не было удобного кресла, были только свидетельства всех граней человеческого страдания, дополненные фото и видео. – В последние дней десять перед эвакуацией больница была переполнена. На Феронии такого никогда прежде не случалось, это усиливало панику... Они вынуждены были ставить дополнительные кровати в коридорах, холле и даже в морге. Так получалось, что живые лежали в морге – и смотрели на изуродованные тела, зная, что и они будут такими же...

– Не поддавайся сентиментальности, – жестко велел Одхан. – Этим людям ты своими соплями, собранными в ладошку, уже не поможешь. Лучшее, что ты можешь им дать, – справедливость!

Пацан был, на самом-то деле, неплохой. Не без талантов. Однако в такие моменты Одхану приходилось вспоминать, насколько он все-таки молод... и насколько человек. При всех машинах, встроенных в его тело.

Но внушение помогло, парень собрался, это чувствува-

лось.

– Ты прав, прости. Тут действительно много всего. Люди поступали в больницу десятками, сотнями, и травмы у всех были очень разными. Я даже не знаю, с чего начать.

– Если никаких ориентиров нет, отметь несколько самых странных случаев и выбери один из них наугад, – посоветовал Одхан.

– Наугад? Это же как-то... несерьезно...

– Да? Нацепи очки и все равно выбери наугад, если это увеличит торжественность момента. Как ты будешь распутывать змеиный клубок? Ты просто с чего-то начинаешь и действуешь по ситуации. Есть там что особо дикое?

Иарлайт несколько минут молчал, сканируя файлы, потом ответил:

– Есть кое-что. Тут была неопознанная болезнь, целый этаж под нее отдали... Зараженные поступали со всей колонии, довольно большая группа была с рыбной фермы, но и там заразились далеко не все – не более трети проживавших на ферме людей. Другие зараженные даже близко к рыбной ферме не подходили, но больше групп с одной территории не было.

– Зараженные в этом контексте не так важны, – указал Одхан. – Что за симптомы?

– Сначала все не так страшно: боль в животе, тошнота и рвота. Худшее начиналось где-то через день: слабость, высокая температура, все признаки интоксикации. На этом эта-

не забирали в больницу. Но тут не могли не то что помочь, даже остановить развитие... Короче, происходило постепенное растворение тканей желудка и кишечника.

– Фотографии не смотри и видео не запускай. Спокойней спать будешь.

– Поздно... – сдавленно произнес Иарлайт.

– Это тоже урок: смотри только то, что принесет пользу. То, что ты описываешь, похоже на какое-то жесткое отравление. Выявили продукт, который ели все?

– Выявили список, но в списке этом были только местные продукты, существовавшие на Феронии с основания колонии. Рацион людей не менялся, ничего особенного не происходило. А такой болезни не было... Ни одного из зараженных не спасли.

Это и правда было странно. Одхан знал несколько видов яда, которые давали похожий эффект. Но для начала нужно было скормить этот яд большой группе людей, живущих в разных уголках колонии. Почему именно они, не их родственники? Нет, тут все должно свестись к рациону...

Ну а что – рацион? Если бы на планете было нечто, вызывающее такую болезнь, оно сразу поразило бы колонистов. Однако они жили на Феронии больше ста лет – и ничего! Можно было предположить, что заразу невольно или намеренно привезли с собой земляне, однако и тут ничего не сходилось: болезнь вспыхнула через несколько лет после переговоров, одновременно с другими трагедиями, с ней никак

не связанными.

Пока он раздумывал об этом, Иарлайт отключился от компьютера – должно быть, скопировал все нужные файлы на собственный диск. Это было разумно и избавляло их от необходимости постоянно бегать в кабинет главного врача.

– Что скажешь? – спросил киборг. – Ты ж у нас в любой ситуации вытряхиваешь из себя какой-нибудь старческий опыт... Есть такой?

– А ты борзеешь, и это было бы даже хорошо, если бы ты еще и умнел. Нет, я вот так сходу не определю, чем они все траванулись.

– И что тогда? Там были и другие сложные случаи среди пациентов, могу рассказать о них...

– Не надо, – покачал головой Одхан. – Так и будем метаться тогда, как дворняга, которую случайно занесло на корабль, и она норовит обоссать все по максимуму, пока не поймают.

– Я все-таки надеялся на большую эффективность...

– А это от нас зависит. Даже если тут не смогли ничего вылечить, они должны были взять у зараженных образцы крови и тканей. Было такое?

– Было, – подтвердил Иарлайт. – Все сохранено в лаборатории. Образцы, в отличие от тел, не уничтожали.

– А тела, значит, уничтожили?

– Кремировали, побоялись традиционно хоронить.

– Жаль... Ладно, будем работать с тем, что есть. Тут долж-

на быть неплохая лаборатория, посмотрим, что получится из нее вытянуть. Веди!

Киборг, скачавший данные из основного компьютера, теперь отлично знал больницу. Вот только указывать путь Иарлайт не спешил, он остался на месте, словно обдумывая что-то.

– Тебе особое приглашение нужно? – поторопил его Одхан.

– Нет, я тут подумал... Это же будет очень долго. Может, поищем среди несчастных случаев что-нибудь, что даст ответы быстрее?

– Что, к девке своей рвешься? – хмыкнул легионер. – Дело, конечно, здоровое, но пока завяжи свою путеводную звезду узлом. Ты на работе – и она на работе.

– Она на той ферме, где вспышка заболевания была...

– Ага, и в компании существа, в котором от змеи больше, чем от человека. Ну и? Такая уж у нас работа. Встретиться вы, голубки, сможете только после завершения миссии. Так давай же сделаем все, чтобы хоть один из вас дожил до этого момента!

* * *

После естественной красоты, которую Альда уже наблюдала на этой планете, телепатке казалось, что она готова ко всему. Но ферма все равно сумела поразить ее – слишком

уж идеально здесь сочетались природа и работа людей.

Гостей встречала живая стена из двухметровых подсолнухов, крупных, ярких. За стеной начинались злаковые поля, чуть дальше безукоризненно ровными аллеями расходились сады. С одной стороны от дороги деревья были в буйном цвету, белом и розовом. С другой яблоки уже созрели, налились соком и падали на землю под собственной тяжестью, раскалывались, кормили сладостью пчел и ос.

Прекрасным оказался и сад возле хозяйского дома. Здесь деревья, кусты и цветы были подобраны настолько идеально, что создавали ощущение мозаики, где каждый кусочек на своем месте. Буйная зелень дополнялась вспышками красного, желтого, оранжевого, а вдалеке – всех мыслимых цветов и оттенков. Над дорожкой располагались арки, увитые крупными неоновыми цветами. Чуть в стороне стояли качели, окруженные нежными розовыми розами. Над беседкой нависало одеяло из переплетенных виноградных лоз, и крупные ягоды на солнце казались прозрачными. Здесь даже декоративные лианы не душили остальные растения, а гармонично дополняли их, делая красоту непрерывной, вездесущей, захватывающей, превращенной в особый вид энергии, способной изменить мир.

Альда никогда еще не видела более совершенного воплощения понятия «семейное гнездо». Дом, застенчиво кутающийся в густую листву и с одной стороны поросший плющом, был сделан с любовью. Дерево украшала резьба, на

некоторых окнах были выложены разноцветные витражи, изображающие животных и птиц. На белой кованной лавочке у самого крыльца сиротливо лежала плюшевая игрушка, забытая кем-то...

– Так значит, из фермерской семьи никто не выжил? – задумчиво спросила Альда.

– Никто, – подтвердил ее спутник.

Здесь уже не хотелось держаться за собственные обиды и снова переживать болезненные ссоры. Красота и трагедия оказались достаточными причинами пока отпустить прошлое и думать только о настоящем моменте. На этой ферме произошло одно из самых страшных преступлений, оно требовало полного внимания – и оно же могло стать ключом ко всему.

Альда уже знала, что все погибшие находились в доме. Двор был безопасен, здесь не лилась кровь, здесь не кричали в агонии. Поэтому телепатка не спешила, она шла медленно, вдыхая тягучие медовые ароматы цветов, стараясь удержать их в себе. Триан, должно быть, все понимал и не торопил ее. Он просто следовал за своей спутницей неслышной тенью.

Но вечно бежать от страшной правды невозможно, они не для того сюда прибыли, чтобы цветочки нюхать. Поэтому Альда заставила себя отвлечься от спасительной красоты и поднялась на крыльцо. Она замерла перед дверью, сосредоточившись на своих способностях.

На самой ферме жизнь была – но примитивная и неопас-

ная. Насекомые, птицы, мелкие зверьки, разрывающие землю. Однако внутри, в доме, предназначенном для многих поколений, этой жизни больше не осталось. Альда старалась сосредоточиться на хорошем: никто их там не поджидал, никто не устроил западню. Однако мысли все равно возвращались к тому, что телепатка прочитала в предоставленных Легионом файлах.

– Их было пятеро? – тихо произнесла она.

– Ты знаешь, что пятеро. Родители и трое детей, старшей двадцать, младшему десять.

Они все погибли одновременно. Еще вечером они связывались с родственниками – бабушкой и дедушкой детей по отцовской линии. Тогда все было в порядке, никто в семье не беспокоился, они не обсуждали даже возможные неприятности и затаенные страхи. В колонии уже было неспокойно, хотя несчастные случаи еще не стали массовыми. Но даже так отец семейства, Норн Травари, был уверен, что его близкие в полной безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.